

ПАВЕЛ ВЕРЕЩАГИН

РЫЖИЙ ПО ИМЕНИ РЭД

ПАВЕЛ ВЕРЕЩАГИН

РЫЖИЙ ПО ИМЕНИ РЭД

Аквилегия-М

ББК 84 (2Рус-Рос) 6

УДК 82-31-93

В 31

Верещагин П.В.

В 31 Рыжий по имени Рэд. Повесть/Художник
Е.Эргардт. — М.:Аквилегия-М, 2016. — 176 с. — ил. —
Б.ц.

Как хорошо, когда в жизни есть друг! Выдумщик, непоседа, озорник — никогда не заскучаешь, если он рядом. Он радуется, когда тебе хорошо, и не находит себе места, когда у тебя что-то не так. Ради тебя он готов на всё, и совсем не важно, что друг этот не умеет говорить, и все свои чувства выражает только ушами и хвостом...

В 2015 году Детское жюри Международного литературного конкурса им. В. П. Крапивина назвало повесть Павла Верещагина «Рыжий по имени Рэд» своим победителем.

Для младшего и среднего школьного возраста.

Серия «Тузик, Мурзик и другие»

Охраняется законом об авторском праве.

Все права защищены. Полная или частичная перепечатка издания, включая размещение в сети Интернет, возможна только с письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-906819-42-0

© Верещагин П., 2016

© Издательство «Аквилегия-М», 2016

КАК У НАС В ДОМЕ ПОЯВИЛСЯ РЭД

Как-то весной Алёнка торопилась из школы домой, срезала дорогу через соседнюю стройку и на тропке между штабелями кирпичей встретила щенка.

— Ой, какой рыженький! — удивилась Алёнка и присела на корточки.

Щенок завилял хвостом так, будто они с Алёнкой давно знакомы. Он был маленьким, пушистым и бойким — совсем домашним.

— Ты чей? — спросила Алёнка.

Щенок, конечно, не мог сказать, чей он. Но по-своему ответил на Алёнкины слова:

мотнул головой, припал на передние лапы и зарычал. Он приглашал Алёнку поиграть.

По стройке ездили взад-вперёд огромные грузовики. Бульдозер, лязгая ковшом, ровнял площадку вокруг котлована. Гидравлический молот, обхватив стальными лапами бетонную сваю, ухая и кряхтя, забивал её в землю. А щенок предлагал поиграть! Алёнка улыбнулась: наш кадр!

— Я бы обязательно с тобой поиграла, — сказала она, — но я спешу, прости... И тебе лучше идти домой — в школе учат, что играть на стройке нельзя, это опасно.

Алёнка встала, махнула щенку на прощание рукой и заспешила дальше. Но щенок, вместо того чтобы идти домой, вразвалочку затрусил за ней. Он проводил её сначала вокруг кирпичей, потом до поворота, потом до ворот стройки...

— Э, так нельзя. Так ты потеряешься! — остановилась Алёнка. — Где твои хозяева?

В окошко домика охраны возле ворот выглянула строгая тётя и подозрительно оглядела школьный рюкзак за плечами Алёнки. Она поправила ушанку с кокардой и нахмурилась.

— Простите, пожалуйста, — обратилась к тётеньке Алёнка. — Вы, случайно, не знаете, чей это пёсик?

Алёнка давно усвоила: вежливость — лучшее оружие против строгих тётенек.

— Чей? — тётенька равнодушно скользнула глазами по щенку. — Да ничей!

В руке тётенька держала эмалированную кружку с горячим чаем. Лицо у неё было красное, как после бани.

— Как ничей? Откуда же он взялся?

Охранница посмотрела на Алёнку так, будто та свалилась с луны. Потом кивнула куда-то в угол стройплощадки:

— Собака, которая строительный вагончик сторожит, принесла в прошлом месяце щенков... Поначалу вообще семеро было... Теперь, слава богу, только трое остались...

Говорила тётенька презрительно и сквозь зубы. И вообще, была она не тётенькой совсем, а тёткой! Сердитой, глупой тёткой! Да ещё и странной: на улице май, солнце припекает, а она в меховой ушанке. Из-за кокарды, что ли?

— А куда же остальные подевались? — спросила Алёнка.

— Кто их знает... — Тётка зевнула. — Может, грузовик переехал. А может, съел кто...

«Как съел?! — хотела закричать Алёнка. — Что вы такое говорите?!» — Но тётка уже скрылась внутри и захлопнула за собой окошечко.

Алёнка посмотрела на щенка другими глазами. И опять присела перед ним на корточки.

— Послушай! — сказала она. — Я бы взяла тебя с собой. Но папа с мамой... — Алёнка закусила губу.

Щенок, вслушиваясь в слова, склонил голову набок. И приветливо замахал хвостом.

— Нет, ты не думай, они хорошие! Очень! И животных любят. Но считают, что сейчас не время заводить собаку. Потому что сначала нужно завести братишку...

Щенок стал серьёзным и сел на землю. Сел не как взрослая собака, а по-щенячьи, расставив задние лапы, — так, как сидят медвежата.

— Лично я считаю, что одно другому не мешает! — заверила щенка Алёнка. — Но родители есть родители... Их, знаешь ли, не переспоришь. У малыша, говорят, может быть аллергия на собачью шерсть...

Алёнке показалось, что щенок немного приуныл. Он поморщился, чихнул, потом согнулся и почесал задней лапой ухо.

— Не обижайся, ладно? — попросила Алёнка. — Ну, я пойду?

Щенок не спорил. И не собирался обижаться.

Алёнка встала и пошла прочь. Но, сделав десяток шагов, не выдержала и обернулась.

Щенок всё так же сидел посреди дороги, расставив лапы и чуть завалившись набок — совсем не так, как сидят собаки. Внутри у Алёнки что-то дрогнуло... Как будто почувствовав это, щенок вскочил, весело мотнул головой, припал на передние лапы и зарычал: он приглашал Алёнку поиграть.

Сердце Алёнки не выдержало. Она вернулась, подхватила щенка под мышку и — будь что будет — понесла домой.

* * *

К тому времени когда с работы вернулись папа с мамой, щенок успел два раза попить молока из блюдца и три раза сделать лужу на паркете.

Поначалу Алёнке казалось, что всё обойдётся, ерунда, родители её поймут. Но чем ближе часовая стрелка подползала к семи, тем тревожнее становилось у неё на душе. А когда наконец в дверях щёлкнул замок, Алёнкино сердце и вообще ушло в пятки.

Родители вошли, нагруженные сумками с едой.

— Ой, какой рыженький! — удивилась мама, увидев выбежавшего в прихожую щенка. Потом спохватилась и стала серьезной: — Алёна! Что это такое?

— Это Рэд! — храбро сказала Алёнка.

— Я спрашиваю — что это значит?

— Рэд — значит рыженький, — попробовала пошутить Алёнка.

Мама покачала головой и нахмурилась: она не считала, что ситуация располагает к шуткам.

— Зачем ты принесла домой щенка? Мы ведь столько раз об этом говорили...

Алёнка опустила голову.

— Говорили. Но вы посмотрите, какой он хорошенький!

Щенок, который всё это время стоял посреди прихожей, для устойчивости расставив лапы пошире, вздохнул и сел, по обыкновению раскинув в стороны задние

лапы. Он был очень-очень симпатичным. И маме стоило большого труда остаться непреклонной.

— Здесь даже разговаривать не о чем, — сказала она. — Нужно отнести щенка обратно, извиниться и сказать, что мы сейчас не можем взять его к себе. У кого ты его взяла?

— Ни у кого!

Мама с папой посмотрели на Алёнку удивлённо.

— Как это — ни у кого?

— Он ничей, — объяснила Алёнка. — Он живёт сам по себе, на стройке, среди грузовиков и бульдозеров. И там очень, очень опасно!

Мама с папой по-другому посмотрели на щенка. Тот склонил голову набок и приветливо, из стороны в сторону шаркнул хвостом по полу.

— Там вокруг равнодушные, жестокие люди! — сказала Алёнка, вспомнив краснолицую тётку из будки охраны.

У Алёнки очень хорошие родители. Они без лишних слов всё-всё могут понять.

Так и не сняв плащ, мама опустилась на табурет возле двери.

Щенок сидел посреди прихожей, переводя пуговицы глаз с одного лица на другое.

Он был таким беззащитным и в то же время таким независимым! Он не пытался никого разжалобить или хотя бы растрогать. И не старался дать понять, что теперь он всем закадычный друг и эта дружба людей к чему-то обязывает. Нет, он просто сидел посреди прихожей, как сидят не собаки, а маленькие медвежата, и, глядя то на одного человека, то на другого, беззаботно следил за разговором.

— Но мы же сотни раз говорили о собаке... — повторила мама. И слова её почему-то прозвучали растерянно.

— Но я же не специально. Так получилось. Я шла, а он — мне навстречу.

— Мы не против животных, мы за, — сказал папа. — Собака в доме — это всегда радость. Но сейчас, именно сейчас... Сейчас не время заводить собаку.

— А когда вообще бывает такое время? — сердито выкрикнула Алёнка. — Если всё заранее планировать да рассчитывать, ни на что хорошее вообще никогда не будет времени!

— Алёна! — повысила голос мама, напоминая, что со старшими нельзя разговаривать в таком тоне.

Тут входная дверь растворилась, и в прихожую вошел сосед из квартиры напротив — дедушка Таблеткин.

— У вас не заперто, — сказал Таблеткин. И обратился к маме: — Измерьте мне давление, пожалуйста. А то в ушах звенит и люстра качается... Наверное, погода к утру испортится...

На ногах дедушки, как обычно, были валенки. Вокруг шеи, несмотря на тёплую погоду, несколько раз обмотан шерстяной шарф. Вообще-то, фамилия дедушки совсем не Таблеткин, а Иванов, Казимир Богданович Иванов, но Алёнка за глаза зовёт его дедушкой Таблеткиным. Потому что дедушка очень боится заболеть и постоянно глотает какие-то лекарства.

— А кто это у вас? — спросил Таблеткин, увидев щенка.

— Да вот... Алёнка принесла, — невесело сказала мама. — Хочет, чтобы он жил у нас.

— Что за порода? — заинтересовался Таблеткин. — Охотничья?

Мама махнула рукой: куда там!

— Мы не знаем. Алёнка его на стройке нашла.

— Жаль.

— Почему?

— Мне обязательно нужно с охотничьей собакой подружиться. Чтобы она мне с охоты оленьи рога принесла.

— Зачем вам рога? — удивилась мама.

— Целебный отвар сделать. Доктор по телевизору сказал: отвар из рогов — лучшее лекарство от сухости в груди. А где сейчас рога взять? Только если оленя на охоте встретишь.

Вообще-то, Таблеткин — хороший. Не злой, терпеливый и покладистый. Никогда не жалуется, если у Алёнки громко играет музыка или собрались друзья из школы. Сам не шумит и не скандалит. Вот только немного чужак...

— А вам, Казимир Богданович, не нужен щенок? — вдруг оживилась мама. — Возьмите! Алёнка принесла, а мы сейчас ну никак не можем оставить его у себя!

— Мне собака не нужна, — поджал губы Таблеткин. — У меня сторожить нечего.

— А собака не для того, чтобы сторожить! — сказала Алёнка.

— А для чего же?

— Для того, чтобы быть другом!..

— Собака бы вас любила... — пояснила мама. — И вам было бы не так одиноко...

Таблеткин задумался. Но потом покачал головой:

— Мне друзей заводить нельзя. У меня сердце слабое. А за друзей волноваться надо...

Он посмотрел на часы и полез в карман. Достал пузырёк, вытряхнул на ладонь таблетку и отправил в рот.

— Да и потом... — протянул он, разжёвывая лекарство. — Не любят меня собаки. Как в аптеку выйду — обязательно какая-нибудь за валенки схватит!

«А нечего летом в валенках ходить! — хотела сказать Алёнка. — Что прикажете собакам о вас думать?» Но она этого не сказала. Потому что не всегда нужно говорить взрослым то, что о них думаешь.

— Так это чужие собаки не любят, а своя обязательно будет любить! — сказала мама. — И защищать...

— Вы бы с ним гуляли три раза в день, — добавил папа. — Дышали бы воздухом. Сердцу это очень полезно!

— А собачья шерсть от радикулита помогает! — вспомнила мама. — Начесали шерсти, сделали из неё пояс — и носите на здоровье!

Таблеткин опять задумался. Он внимательно оглядел щенка и почесал в затылке.

Щенок, видимо, почувствовал, что в разговоре о нём настал решительный момент, вскочил на ноги, сделал пару шагов к Таблеткину и задорно залаял. Он не мог ещё лаять громко и звучно, как взрослая собака, и затыкал, как мягкая игрушка из магазина: «Тяв, тяв, тяв!»

— О-о-о... Так он ещё и лает... — огорчился Таблеткин. — А я тишину люблю. У меня от шума мигрень развивается...

Дедушка вздохнул и взялся за ручку двери.

— Так что, извините, я, пожалуй, пойду...

— А как же давление? — спохватилась мама.

— Давление? В другой раз.

И Таблеткин ушёл.

* * *

— Что же нам с тобой делать, Рэд? — невесело проговорил папа.

Щенок опять уселся посреди прихожей и с интересом на папу посмотрел.

— Может, бабушка согласится взять его к себе? — предположила мама.

— У бабушки и так уже три кота и золотая рыбка! — возразила Алёнка. — Зачем ей ещё и собака?

Это верно. У бабушки и без собаки дома целый зоопарк.

— Ну тогда дядя Боря. Он за городом живёт, собаке за городом самое место.

Щенок повернул голову и внимательно посмотрел на маму.

— Дядя Боря вечно по командировкам пропадает, — напомнила Алёнка. — То на Камчатке, то в Средней Азии. Что в это время будет делать Рэд?

И это правильно. Дядя Боря журналист. Его целыми неделями дома не бывает. Как при таком режиме заводить собаку?

— Так что же нам теперь делать? — повторил папа.

Щенок переводил глаза с одного человеческого лица на другое и как будто даже сочувствовал людям — перед ними стоял непростой выбор. Он, конечно, не понимал слов, — собаки, увы, не разбирают человеческую речь — но то, что разговор идёт о нём, что решается его судьба и что

по поводу этой самой судьбы возникли разногласия, понимал отлично. И старался быть серьёзным — в соответствии с моментом.

«Вы симпатичные люди, и я вас понимаю... — будто говорил он своим видом. — Я бы и сам на вашем месте сто раз подумал, нужны вам все эти хлопоты с никому не известным щенком. Вам, конечно, решать, но посмотрите: ведь я славный парень. Я отважный и не злой. Я покладистый и весёлый. А главное, я знаю, что такое дружба, и умею быть хорошим другом. Может, ещё подумаете, а?»

— Нет, я вообще не понимаю, о чём речь, — с нажимом проговорила Алёнка. — Что же мне его теперь, обратно на стройку нести?

Мама отчего-то поперхнулась и отвернулась к стене. О том, чтобы нести щенка обратно, разговора быть, конечно, не могло.

Мама, кстати, так и не успела раздеться — сидела в плаще, в сапогах и с сумкой на коленях.

Повисла пауза.

— Ну мама! — воскликнула Алёнка.

И тут щенок, что-то почувствовав, сорвался с места, сделал несколько неверных скачков по скользкому кафелю, подхватил мамин тапок, лежавший под вешалкой,

развернулся, проскакал обратно и принялся мотать головой и тыкать тапком в мамы сапоги.

— Вот именно, — поддержала Алёнка. — Давно уже пора раздеться. Поужинать, чайку попить. Разве можно решать серьёзные вопросы на голодный желудок?

— Откуда он узнал, что это мой тапок? — каким-то не своим, влажным голосом спросила мама.

— Потому что он очень умный! — сказала Алёнка. — Очень! Вы даже не представляете какой!

Папа зачем-то прокашлялся.

— Но ведь собака — это не игрушка, — заметил он. — Её нельзя сегодня взять, а через месяц выгнать на улицу.

— А кто собирается выгонять его на улицу? Лично я — не собираюсь! — заявила Алёнка.

— За собакой нужно ухаживать, — продолжал папа. — Кормить её, вычёсывать шерсть, мыть миски.

— Ну и что? Ну и пожалуйста!

— С собакой нужно гулять три раза в день — в любую погоду, в дождь и в снег.

— Нет, вот уж гулять в дождь — это, пожалуйста, без меня! — сказала мама. — Это уж вы как-нибудь сами!

— Конечно, сами! — с трудом сдерживаясь, чтобы не запрыгать на месте, пообещала Алёнка.

— А после прогулки чтобы лапы мыть в специальном тазике!.. И пылесосить каждые выходные — а то в доме будет полно шерсти!

— Конечно! Конечно! — Алёнка подхватила щенка на руки и поцеловала его в нос.

— И чтобы по субботам никто меня с утра не будил! Хотя бы раз в неделю человек имеет право выспаться?

— А то как же! Обязательно! До самого обеда! Мы будем ходить на цыпочках, как мышки, — ты даже шороха не услышишь!

— Ну то-то же! — улыбнулась наконец мама.

Так Рэд появился у нас дома.

И теперь даже представить трудно, как мы все жили без него. И что было бы, если бы Алёнка не встретила его тем майским днём на строительной площадке.

БЫВАЛЫЙ ВОЯКА

Бывалый солдат никогда не откажется от лишней миски еды. Что значит «уже наелся»? А вдруг война? Объявят тревогу, и неизвестно, когда поешь в следующий раз. Набил живот под самую завязку? Не спеши, выдохни, распрямись — наверняка влезет ещё немного. Уже не лезет? А ты походи туда-сюда, умнись, вот места в животе и прибавится. Это я не про российскую армию, кто ещё не догадался, это я про нашего пса Рэда.

Бывалому солдату, если хотите, самое лучшее место — на кухне. Особенно если там затевается праздничный ужин, готовится

что-то вкусное и от плиты тянет аппетитными запахами. Солдат знает: будешь торчать на кухне и путаться под ногами у повара — обязательно перепадёт что-то вкусное.

Идём дальше. Рэд, как всякий бывалый солдат, никогда не кинется исполнять первую услышанную команду. Это безусый новобранец тянется перед начальством по стойке «смирно» и стрелой бросается туда, куда его пошлют. А тёртый вояка знает: команда команде рознь. Начальству только дай покомандовать. Станешь исполнять всё, что требуют, — лапы сотрёшь до колен!

Субординацию он чувствует до миллиметра: то, что можно позволить себе с молоденьким офицером, который в армии без году неделя, никогда не сойдёт с рук с опытным генералом. В глубине души Рэд любит молоденьких офицеров — за их наивность, весёлый нрав и мечтательную склонность к играм, но их команды как-то сами собой пролетают мимо его ушей. А про старых боевых генералов всем известно: в личном составе они ценят молодцеватость и исполнительность. Почему бы не польстить старикам? Тем более именно генералы раздают солдатам ордена, медали и кусочки колбасы, что всегда берут с собой на улицу в специальном полиэтиленовом пакетике.

В приятелях у бывалого солдата ходят такие же тёртые молодчики, как он сам. С ними и повозиться хорошо, и позубоскалить приятно. А избалованных маменькиных сынков, от которых пахнет дорогим шампунем, или раскормленных лентяев, которые разучились бегать, он терпеть не может!

Как он выглядит? Мы все уверены, что он просто красавец! Смелые глаза, выразительные уши, подвижный хвост. В нём определённо есть что-то охотничье. Или пастушье. Да-да! Впрочем, о чём это я? Какое охотничье, какое пастушье! Солдат — он и есть солдат: одет по форме, выглядит по уставу. Короче, любо-дорого смотреть.

Что ещё сказать про солдата? Он не любит блох, а также комаров и мух, назойливо бьющихся в стекло. Всё свободное время он спит. Обожает куда-нибудь ехать, неважно куда. При случае не дурак подраться, но лезть на рожон никогда не станет. Любознателен, особенно по части того, из чего сделаны предметы и что у них внутри. По большому счёту ему плевать на чистоту, лужа так лужа, грязь так грязь, но на параде умеет выглядеть молодцом. Он может спать на промёрзшей земле, но предпочитает, разумеется, тёплый диван и мягкие подушки...

Что ещё? Бывалый солдат всегда пребывает в хорошем настроении: к чему грустить, если ты сыт, согрет и находишься среди своих? И вообще, положив руку на сердце: он лентяй, сибарит и притворщик.

Но ведь это всё не главное в солдате. Верно? А что главное?

А главное то, что если и остался кто в нашей жизни, на кого всё ещё можно положиться, так это именно бывалый солдат. Почему? Да потому что он по-настоящему, по большому счёту понимает, что такое дружба. И любовь. И преданность. Он внимателен к старикам и снисходителен к детям, как бы они ни таскали его за хвост и ни тянули за уши. Он может сколько угодно балагурить, торчать возле кухни, любезничать с барышнями, но в трудную минуту, когда, не дай бог, настанет последний край и вокруг не останется ничего, кроме паники и страха, он, не сомневайтесь, сохранит мужество, будет помнить свой долг и выступит молодцом. Нет, он не станет проявлять показную храбрость. Но это будет его минута. Он пойдёт до конца. И, поверьте, не подкачает.

Именно так устроены собаки. Именно так понимают жизнь проверенные бойцы.

СОБАЧЬЯ ШКОЛА

Собачью школу все называют просто площадкой. Потому что официальное название её — «Площадка для дрессировки домашних собак». Это и в самом деле площадка, кусочек парка, огороженный забором из высокой сетки — чтобы разные сомнительные личности не могли проникнуть внутрь, а собаки чувствовали себя в безопасности и не отвлекались бы от учёбы по пустякам.

Во время занятий хозяева с собаками ходят друг за другом гуськом. На площадке такой порядок: впереди — отличники, за ними — хорошисты, потом все остальные.

Чем лучше учится собака — тем ближе она к началу, чем хуже — тем ближе к концу. Новичок, который ещё ничего не знает и не умеет, попадает в конец, и, по мере того как он осваивает собачьи науки, его постепенно переставляют ближе к началу.

Как вы думаете, где место Рэда? В начале? А вот и нет! Конечно же в конце!

Вообще-то, Рэд всё отлично умеет делать. Если бы он захотел, он бы мигом оказался среди отличников. Но у отличников такая скучища — челюсть от зевоты свернётся! Все вокруг такие правильные, послушные, дисциплинированные — что тут интересного? То ли дело в конце — знай шали и озорничай!

Алёнка очень огорчается, оказавшись в хвосте группы. А Рэд нисколько не огорчается. Чего огорчаться-то? Погода прекрасная, воздух свежий, птички поют! Какая главная задача любого реального пацана в школе? Думаете, учиться? Нет! Весело проводить время.

Так вот. В субботу на площадке появился новый ученик. Рэд таких вообще никогда не видел — ротвейлер не ротвейлер, шарпей не шарпей... Здоровенный, как телёнок. Весь в складках. Голова размером с собачью будку. Порода называется Дриблинг

Брамс Кочубей. Или что-то в этом роде. Мальчик, который привёл этого монстра на площадку, говорил, но Алёнка с Рэдом не запомнили.

— Какой огромный! — удивилась Алёнка. — Как его зовут?

— Рихард Теодор Берта Шмутц фон Филадельфия ван Грюнвальд, — ответил мальчик.

Алёнка кивнула: понятно. У большой собаки имя должно быть внушительным.

— А на самом деле? — спросила она.

— На самом деле — Тяпа.

Так часто бывает: в документах записано одно имя, а дома собаку зовут совсем по-другому. Ведь не будешь же к собаке обращаться, как к послу иностранного государства: «Пойдём-ка гулять, Рихард Теодор Берта Шмутц!» Или: «Зачем ты распотрошил ватного деда-мороза, фон Филадельфия ван Грюнвальд?!» Имя Тяпа в этом смысле лучше.

— Очень редкая порода, — заметил мальчик. — У нас всего три таких собаки...

— Во всём городе? — удивилась Алёнка.

— Во всей стране! — внушительно сказал мальчик и посмотрел куда-то вдаль, на горизонт.

— Круто, — сказала Алёнка.

— Ещё бы не круто! У него все предки — чемпионы. Вплоть до четвёртого колена.

— А дальше?

— Что дальше?

— Ну в пятом колене, в шестом?

— Тоже, скорее всего, чемпионы. Но мы точно не знаем. Тяпа сжевал свою родословную, когда маленький был. Только первая страница осталась. А на ней — предки до четвёртого колена.

Алёнка посмотрела на Тяпу — поедателя родословных. И поняла: он хоть и большой, но добрый. Что называется, увалень.

— А тебя как зовут? — спросила Алёнка у мальчика.

— Меня — Федя.

— Просто Федя? — улыбнулась Алёнка. — В том смысле, что к имени не надо прибавлять «фон» или «ван»?

— Просто Федя, — ответил мальчик.

Тем временем все начали строиться друг за другом. Федя хотел было встать с Тяпой в начало, но инструктор Володя поставил их последними, в самый конец, сразу вслед за Рэдом.

Володя — главный на площадке. Он — инструктор, а на человеческом языке — учитель. Всё на площадке происходит по его команде.

Вообще-то, Володя добрый, но с ним лучше не связываться. Про собак он знает всё, все собачьи фокусы видал миллион раз, и по площадке ходит, постукивая по сапогу длинной школьной указкой. Никто не помнит, чтобы Володя хоть раз пускал указку в дело. Но хулиганы вроде Рэда указку видят и не дают себе воли, хулиганят только потихоньку, не в полную силу.

Каждое занятие начинается с того, что все ходят друг за другом, колонной. Справа хозяин, слева собака. По команде инструктора все поворачивают — направо, налево, кругом, начинают бежать или, наоборот, останавливаются. Кажется, просто, а на деле — нет. Ведь команды Володя даёт в самый неожиданный момент. Ты ждёшь, например, что будет команда «налево», а звучит команда «направо», ты пригото-

вился остановиться, а нужно поворачиваться кругом. Приходится всё время быть на чеку, не расслабляться ни на минуту.

Те, кто учится давно и стоит в начале, это упражнение выполняют без поводка. Собаку и хозяина ничего не связывает, а двигаться они должны так, будто собака приклеена к левой ноге хозяина: хозяин направо — и собака направо, хозяин прибавил шагу — и собака тоже. Они должны быть одним целым. Как иголка и нитка. Как истребители из боевого отряда «Стрижей».

Но новички, те, кто стоит в хвосте, ходят, конечно, на поводке. Чтобы освоиться, понять, что к чему, привыкнуть. И это совсем не сложно. Рэд с первого раза всё понял и это упражнение даже за учёбу не считает. Подумаешь, «направо-налево»! Тут и дурак сразу разберётся.

Но вот Тяпа... С ним чистое недоразумение. Никак не может понять, что от него требуется. Командует Володя: «Бегом!» — все побежали, а Тяпа, наоборот, уселся. Володя командует: «На месте — стой!» — все остановились, а Тяпа побежал и, конечно же, наткнулся на Рэда с Алёнкой.

— Ты, Тяпа, не волнуйся, — сказала ему Алёнка. — Поначалу у всех не получается. А потом — получится.

— Ведь он совсем не глупый, — с досадой сказал Федя. — Сегодня вот что-то...

— Может, просто сегодня не его день? Такое у всех бывает...

Федя кивнул. И посмотрел на Алёнку с признательностью.

— А ещё у него ухо болит, — сообщил Федя. — Врач сказал, отит...

— Когда ухо — это плохо. Я знаю. У меня был отит.

— Мама сегодня ему даже платочек повязала на голову... Но он, когда не улицу вышел, платочек лапой сорвал.

— Почему?

— Потому что прохожие смеялись: собака — и в платочке...

— Ну и правильно, что сорвал. Пусть лучше поболит немного, чем клоуном по улице ходить!

— Ты думаешь?

— Уверена!

— Вот и я так считаю!

Следующее упражнение на площадке такое: собаки остаются на месте, а хозяева отходят на несколько шагов и с этого расстояния, как говорят, с дистанции, подают команды: «Сидеть!», «Стоять!», «Лежать!» Чтобы собаки ничего не перепутали, команды подкрепляют жестами: хочешь, что-

бы собака села, — поднимаешь руку вверх, хочешь, чтобы легла, — опускаешь вниз. От новичков хозяева отходят всего на пару шагов. От тех, кто уже давно «учится» в школе и стоит в голове колонны, — так далеко, как только позволяет площадка.

Рэд и эти команды понял в своё время с лёту. И уже на первом занятии выполнял их чётко, с полуслова. Как говорится, увидел раз — делаю и сейчас!

А Тяпа... С ним опять беда. Все встали, а он лёг. Все легли, а он сел. Все сели, а он вообще повалился на бок и отвернулся к забору. Федя тянет за поводок, — вставай, вставай! — но разве такого с места сдвинешь?

— Постой! Тут хитрость нужна, — сказала Феде Алёнка. — Может, он просто не понимает, чего ты от него хочешь. Надави ему на спину, чтобы он сел, и сразу дай лакомство. Заставь его лечь — и опять дай лакомство. Лакомство у тебя есть?

— А что это такое? — спросил Федя.

— Что-нибудь вкусное. Например, кусочек колбасы. Или что-то другое, что он любит и чему обрадуется.

Федя задумался.

— Колбасу Тяпа не ест, — сказал он.

— Не любит? — удивилась Алёнка.

— Не знаю. Он никогда её не пробовал. Этой породе нельзя колбасу.

— А что можно?

— Специальный корм. Который привозят из Англии.

— Понятно.

Рэд всё подряд ест. И колбасу, и котлеты, и блины. Запеканку очень любит. Собачий корм тоже ест — когда нет ничего вкуснее.

— Но ведь что-то Тяпа любит? — спросила Алёнка.

— Конечно, любит.

— Что?

— Когда ему спину чешут рожком для обуви.

Алёнка покачала головой:

— Это не подойдёт.

В самом деле, не ходить же на площадке с рожком для обуви. Тяпа выполнил команду, а ты ему в виде поощрения спину рожком почесал.

Федя и сам понял, что это не вариант. Он огорчённо смотрел на своего воспитанника.

— Вообще-то, до него всё туго доходит... — заметил он.

— Тугодум? — догадалась Алёнка.

Федя пожал плечами: наверное.

— Бывает, сидит перед аквариумом

и смотрит, смотрит, как рыбки плавают... Полдня может так просидеть...

Алёнка посмотрела на Тяпу и подумала о том, что если ты такой большой и сильный, то суетиться и спешить тебе ни к чему.

— Тугодум, — подтвердила она.

— Но ведь это не страшно? — спросил Федя. — Так бывает: предки очень породистые, но...

Федя замолчал.

— Не страшно, — успокоила Алёнка. — Папа говорит, что даже среди великих учёных встречались тугодумы: человек думает медленно, но глубоко, и придумывает то, до чего другие не доходят.

— Хорошо бы, — вздохнул Федя. И добавил: — Он бы, может, побыстрее соображал, если бы мама его так не любила.

Алёнка не успела спросить, что это значит и как мамина любовь может мешать собаке думать, потому что в это время на площадке появился новый ученик. Точнее, ученица. Которая ехала в школу издалека и опоздала к началу занятия.

Вообще-то, Рэд эту ученицу давно на площадке приметил. Она как раз из таких, что ему нравятся: не большая и не маленькая, не худая и не толстая. Вся какая-то аккуратная, складная, собранная.

Ступает деликатно, на носочки. Свежая стрижка, укороченный, в талию комбинезончик, запах хорошего шампуня: ничего навязчивого, только свежесть и чистота. И зовут Джессикой, то есть вполне интеллигентно и со вкусом.

Но раньше они не встречались близко: Рэд всегда в конце группы стоит, а Джессика — в начале. Потому что в учёбе она — хорошистка, а может быть, даже отличница. Но на площадке железное правило: будь ты хоть сто раз отличник, если опоздал — становись в конец. Так что Джессика оказалась в самом хвосте группы, за Рэдом и Тяпой.

С появлением новой ученицы Рэд преобразился.

Нет, он не стал упражняться в непослушании и независимости, как можно было ожидать. Как раз наоборот: он вдруг тоже превратился в старательного хорошиста, а может быть, даже отличника. Стал внимателен и прилежен. Не отрывает от Алёнки глаз, ловит на лету каждое её слово, каждый жест. Подтянулся, похорошел: живот поджарый, уши начеку, хвост трубой. Команды выполняет чётко, собранно и молодецкато. Как солдат показательного Кремлёвского гарнизона, отличник боевой и политической подготовки.

Алёнка, глядя на него, только головой качала. Рэд, конечно, артист, от него всего можно ожидать, но чтобы вот так...

И даже Володя, который, казалось, совсем не обращал внимания на стоящих в конце, похвалил на всю площадку:

— Ай молодец, Рэд! Красавец! Вот ведь можешь, когда захочешь!

Но ещё более удивительно то, что и Тяпа тоже вдруг встал, востроил уши. Поглядывает на соседку с симпатией, приветливо машет хвостом. Куда подевались его прежняя сонливость и равнодушие? Джессика, естественно, на него ноль внимания, вся в учёбе. И он — озирается по сторонам, приглядывается, начинает повторять вслед за всеми: сядет, ляжет, встанет... И чем дальше, тем это у него складнее получается, как раз по команде. То есть вмиг этот тугодум Тяпа всё что нужно сообразил.

И вот уже Володя ему кричит на всю площадку:

— Ай молодец, Тяпа! Ай красавец! Давно не встречал такого способного новичка!

— Вот видишь! — радостно воскликнул Федя. Глаза у него блестели. — Он совсем не такой дурак, как кажется.

— Он совсем не дурак! — заверила Алёнка. — Просто раньше ему стараться незачем было!

— Вот именно! И вообще! Знаешь, как ловко он мух ловит? Летящую муху попробуй поймай. А он только «ам!» — и нет мухи!

Алёнка очень удивилась. Муху даже Рэд поймать не может. Бегаёт за ней по всей квартире, зубами щёлкает, а всё без толку.

А Джессика, между прочим, совсем не замечает стараний своих соседей. Подумаешь, мальчишки! На всех обращать внимание, что ли?

А может, просто делает вид, что не замечает?

Тут все перешли к выполнению команды «апорт».

«Апорт» — любимая команда большинства собак. Хозяин бросает какой-то предмет, а собака должна побежать, найти его, принести обратно и отдать хозяину в руки. Выполняют «апорт» собаки по очереди, чтобы свалки не создавать: кто-то один приносит, а все остальные смотрят и ждут.

Рэд очень любит команду «апорт». Потому что она даёт простор для множества маленьких весёлых хитростей. Во-первых, можно долго на глазах у всех делать вид,

что тебе никак не найти деревянную гантельку, которую бросила Алёнка. Подбирать то веточку, то кусок мха, смотреть удивлённо: «Это, что ли?» Дождавшись, когда Володя погрозит кулаком, вдруг найти гантельку — «Ах вот она, оказывается, куда задевалась!» — и помчаться со всех ног к Алёнке, но впопыхах выронить свой «апорт» и прибежать к хозяйке ни с чем. «Как? Не принёс? Ах какой я рассеянный!» — значит, можно бежать обратно и начинать всё сначала. Даже если ты наконец принёс гантельку, можно её Алёнке не отдавать, делать вид, что просто забыл это сделать, — короче, простор для фантазии имеется.

Но в этот раз даже ничего похожего у Рэда и в мыслях не было.

Алёнка бросила гантельку и чуть помедлила давать команду, проверяя дисципли-

ну и выдержку сидевшего в нетерпении Рэда. Но команды Рэд так и не дождался: стоявший рядом Тяпа сорвался с места, подбежал к гантельке, подхватил её и понёс — но не к Феде и не к Алёнке, а к новой соседке Джессике, приглашая её побегать и поиграть.

Такое снести было невозможно. Рэд бросился на грабителя, толкнул его грудью, клацнул зубами у его морды. Тяпа огрызнулся, выронил гантельку, попытался ухватить Рэда за загривок. В ответ Рэд вывернулся, вскочил лапами ему на спину и тяпнул его за плечо... Началась свалка.

— Рэд! Фу! — закричала Алёнка

— Тяпа! Назад! — закричал Федя.

Тут к дерущимся подоспел Володя, и общими усилиями драчунов растащили в стороны.

Алёнка с трудом удерживала Рэда за ошейник. Федя обеими руками тянул Тяпу за поводок.

— Что это твой Рэд делает?! — крикнул Федя.

— Это ты смотри за своим Тяпой! — отозвалась Алёнка.

— Но ведь Рэд первый начал!

— Рэд первый?! А кто украл наш «апорт»?!

Порядок, тем не менее, был восстанов-

лен. Страсти понемногу улеглись. Джессика, зевнув, отвернулась и поджала озябшую переднюю лапу.

Володя, который, как известно, знает про собак всё, оценил ситуацию и переставил виновницу конфликта из хвоста группы в начало, туда, где ей и было место. Рэд с Тяпой проводили её сердитыми взглядами. Занятия продолжались.

На площадке такое правило: если ты подрался с соседом, то до конца занятия вас обоих исключают из группы. Группа переходит к самому интересному, преодолению препятствий, а драчуны всё оставшееся время отрабатывают в сторонке команду «рядом»: хозяин направо — и собака направо, хозяин кругом — и собака кругом.

Препятствия — это, во-первых, высокая лестница, на которую нужно с одной стороны забраться, а с другой с неё спуститься, во-вторых, забор и штакетник, через которые нужно перепрыгнуть, в-третьих, бревно, по которому нужно пройти, — на высоте человеческого плеча.

Рэд очень любит преодоление препятствий. Из-за них, собственно, он и терпит школу: здесь наконец можно показать, на что ты способен.

А тут, представьте, все бегут по бревну и прыгают через забор, а ты вместо этого ходишь взад-вперёд в сторонке! Тоска! Рэд совсем заскучал и сник.

Да и Тяпа тоже — опять стал ленив и рассеян. Всё путает, никак не может понять, что от него требуется, наступает на ноги Феде, натывается на Рэда... Так часто бывает: если у нас что-то хорошо получается, мы делаем это охотно и легко. А если что-то не ладится, идёт вкривь и вкось, то мы стремительно теряем к этому делу интерес, а руки наши сами собой опускаются. У кого-то руки опускаются, а у кого-то лапы — начинают заплетаться, цепляться друг за друга и спотыкаться на ровном месте.

В конце концов Тяпа вообще сел и отказался куда-либо идти. Алёнка с Рэдом остановились рядом.

Некоторое время молчали... Потом Федя вздохнул и сказал:

— Сам не знаю, что на Тяпу нашло. И зачем ему понадобился ваш «апорт»?

— Ничего, — отозвалась Алёнка. — Пустяки, дело житейское.

— Вообще-то, он никогда в жизни ничего ни у кого не отбирал.

— Да?

— Да. Обычно у него всё отбирают.

Во дворе, в парке, на даче... А он только глазами хлопает...

Они стояли и смотрели на то, как собаки в группе по очереди прыгают через штакетник. Забор — это высокое препятствие, за него нужно цепляться лапами и карабкаться. А штакетник — низкое. Через него нужно перепрыгивать одним махом.

Вот, элегантно растянувшись в воздухе, через штакетник перелетела Джессика...

— А у Тяпы что, даже косточку можно отобрать? — спросила Алёнка.

— Я не знаю. У него никогда не было косточки. Но если бы была, то он, наверное, и её отдал бы первому встречному.

Оба посмотрели на Тяпу и поняли: это так, была бы косточка, отдал бы и косточку.

— А у Рэда только папа может косточку отобрать, — сказала Алёнка. — Остальным лучше не соваться...

Они посмотрели на Рэда и поняли: да, такой свою косточку просто так никому не отдаст.

— Когда папа — это хорошо, — вздохнул Федя. — А у нас мама самая храбрая.

— В каком смысле?

— Это она, если нужно, со всеми ругается — с сантехником, с ветеринарами,

с инспектором на шоссе... Она и Тяпу на улице защищает, если кто-то его обижает.

Алёнка удивилась, а потом покачала головой: так нельзя с Тяпой, это не дело. Разве можно так воспитывать мальчиков? Они должны сами уметь за себя постоять!

Федя кивнул: вот-вот! — и отвернулся.

Тяпа тем временем глубоко вздохнул и вообще повалился на землю. В самом деле — зачем сидеть, если можно лежать? Рэд, не сводя глаз с группы у бревна, присел рядом.

Володя посмотрел на них, удивился такой расхлябанности, но вмешиваться не стал. Нельзя же, в конце концов, всё время заниматься только двоечниками! Учить надо тех, кто хочет учиться.

Так Тяпа и пролежал до конца занятия. А Рэд просидел рядом.

После занятий все вместе пошли домой — Алёнка и Федя, Тяпа и Рэд. Оказалось, что им почти по пути, только в самом конце нужно расходиться.

И собаки дорогой совсем не ссорились, а шли так, будто они старые добрые приятели.

— Смотри! — сказала Алёнка. — Они совсем подружились. Вот тебе и драчуны.

Федя не ответил. Потому что о чём-то сосредоточенно думал.

— Между прочим, — сказал он, — Тяпин дедушка в полиции служит, в немецком городе Фрайбурге. Его все местные преступники знают. Если дедушка вышел на дежурство, воры и грабители по домам сидят, никто носа на улицу не высунет.

— Круто! — сказала Алёнка.

— Конечно, круто. Дедушка у Тяпы строгий! С ним не забалуешь!

Мимо по аллее парка проехала новенькая легковая машина, в заднем стекле которой маячила аккуратно подстриженная голова Джессики.

— А почему ты про дедушку вспомнил? — спросила Алёнка.

Федя пожал плечами:

— Потому что наш Тяпа, похоже, не в дедушку, а в бабушку пошёл.

— А что бабушка?

— Бабушка совсем не строгая. Бабушка цветы любит нюхать... И бабочек по саду гонять...

Они вышли из парка и остановились на тротуаре у светофора.

— Может, Тяпа просто ещё не успел стать взрослым? — предположила Алёнка. — Голова и лапы выросли, а в душе он остался щенком?

— Может быть.

— А может быть, ему просто незачем злиться, — продолжала Алёнка. — Чего злиться, если ты большой и сильный? Злятся маленькие и слабые. Большим и сильным злиться ни к чему.

Федя пожал плечами: и так может быть.

На светофоре загорелся широко шагающий зелёный человечек, и они двинулись на другую сторону проспекта.

— Тяпа родился маленьким и слабым, — почему-то вспомнил Федя. — Сначала думали, он вообще не выживет.

— Да?

— Да. И потом... плохо набирал вес, болел... Ему даже родословную давать не хотели.

— Почему?

— Чтобы знаменитую родню не позорил...

— Но потом всё же дали?

— Потом дали...

— А он её взял и съел... — улыбнулась Алёнка.

— Съел. Но не всю, — улыбнулся в ответ Федя. — Первую страницу оставил.

Мигнули и налились разбавленным молоком две вереницы фонарей, уходящие в даль проспекта. Их свет начал на глазах набирать силу — и вдруг стало заметно: на город опускаются сумерки.

— А сейчас и не скажешь, что он был

слабым! — заметила Алёнка. — Такой красавец вырос! Богатырь!

— Богатырь, — согласился Федя. — Но чемпионом уже никогда не станет. Задние ноги подкачали.

Алёнка посмотрела на Тяпины задние ноги. Ноги как ноги. Разве что тонковаты немного. Но разве в этом дело?

— Подумаешь! — сказала Алёнка. — Дело ведь не в том, чтобы быть чемпионом. Мы своего Рэда вообще на стройке подобрали. И толком не знаем, кто у него папа, а кто дедушка. Все его предки — дворняги, ни о каких родословных и слыхом не слыхивали. А мы его всё равно любим. Любим такого, какой есть.

— И мы любим такого, какой есть.

— Вот видишь! И твой Тяпа... У него ещё всё впереди. Вот вырастет, повзрослеет и всем покажет! Ещё как покажет! О-го-го!

— Ты думаешь? — с сомнением спросил Федя.

— Уверена! — ответила Алёнка.

Они вышли на большую круглую площадь, откуда дороги расходились: Феде с Тяпой — налево, Алёнке с Рэдом — направо.

Площадь была плотно забита урчащими машинами. Во всех домах, подковой окружающих автомобильную толкотню, одно за другим загорались окна.

Пора было домой. Делать уроки.

— А вот учиться они могли бы и лучше! — глядя на Рэда, заметила Алёнка. — Ведь это чистое безобразие, как они учатся! При том, что не дураки! Почему нужно всё время ходить в конце?

Тяпа и Рэд глядели по сторонам так, будто это их совсем-совсем не касалось. Они, кстати, здорово смотрелись вместе и хорошо дополняли друг друга — большой и сильный Тяпа и компактный, но бойкий Рэд.

— Смотри-ка! Мороженое продают, — воскликнул Федя. — Лето кончилось давно, а они продают мороженое! Хочешь мороженое?

— Конечно хочу!

И Федя с Алёнкой купили мороженого. Сначала хотели купить две порции — для себя. Потом подумали и купили четыре — для этих двоечников тоже. Потому что оценки оценками, а дружба дружбой!

А что? Ведь мороженое все любят! И собаки тоже. Думаете, нет? Любят, любят! Ещё как!

Что они, не люди, что ли?

ВОСПИТАННЫЕ СОБАКИ

Говорят, где-то в природе существуют воспитанные собаки.

Это такие собаки, которые ходят степенно и с достоинством, не гавкают без нужды, не суют свой нос куда не следует, и даже если их угощают каким-нибудь лакомством, рекомендованным ассоциацией собаководов, берут его с ладони аккуратно и без жадности, едва приоткрыв рот и даже немного брезгливо.

Они не лезут вперёд вас в сумки и даже в карманы, ссылаясь на то, что вы с ними друзья, а у друзей друг от друга секретов нет. И уж тем более они ни при каких об-

стоятельствах не суют голову в холодильник.

Воспитанные собаки абсолютно равнодушны к пустым пластиковым бутылкам из-под колы и не будут весь вечер носиться по квартире, демонстрируя всем, какие восхитительные артиллерийские звуки издаёт сжимаемый зубами пластик.

Воспитанные собаки — это очень-очень спокойные собаки. Они никогда не скачут до потолка, сшибая вазы, поняв, что сегодня вся семья едет за город. В миске они из приличия всегда оставляют какой-нибудь кусочек, а не гоняют её, вылизывая, с грохотом по кухне.

Они никогда не станут сидеть у кровати спящего хозяина, внимательно следя за его лицом, чтобы успеть лизнуть в нос ровно в то самое мгновение, как он откроет глаза. А если хозяин закроется в спальне, они не будут всю ночь горестно вздыхать под дверью и пытаться просунуть в щель под ней хотя бы кончик носа. И уж конечно они не будут пытаться просочиться вслед за вами ещё и в туалет, для того чтобы не расставаться ни на минуту.

Они не забираются лапами на подоконник, стараясь разглядеть, что там за нахал гавкает во дворе без всякого на то разреше-

ния. Они не треплют зубами поводок, будто это не поводок, а лазутчик инопланетян, угрожающих цивилизации. Они по первой команде подходят во время прогулки к хозяевам, уже опаздывающим на работу, а не делают вид, будто не слышат, потому что у них с соседским Агатом принципиальная схватка по греко-римской борьбе и уступить этому выскочке никак нельзя.

Хорошо иметь дело с воспитанными собаками. Всё-таки воспитание — великая вещь.

Вот только... Я не уверен, конечно, но мне почему-то кажется...

Мне кажется, что воспитанная собака не будет так отчаянно огорчаться и тосковать, когда ты уходишь. И радость её, когда ты возвращаешься, не будет такой же безграничной и непосредственной, как ликование русичей после победы в Ледовом побоище.

И, если у тебя плохое настроение, не ладятся дела, или люди, которым ты доверял, оказались не людьми, а так, людьмишками, воспитанные собаки не будут страдать вместе с тобой, не будут маяться и с несчастными глазами ходить по пятам, предлагая тебе в утешение то изгрызенного резинового мишку, то остаток вчерашней косточки.

И ещё мне кажется, что воспитанные, скорее всего, сто раз подумают, прежде чем броситься наперерез какому-то Кинг-Конгу с золотой цепью на шее, загородившему дорогу девочке в тёмном переулке. А потом и собаке Баскервильей, с безумными глазами выбежавшей из-за угла. А ведь этим Баскервилям некоторые невоспитанные едва достают до плеча...

Так что воспитание — сложная штука. По крайней мере, не простая. Короче, я бы не спешил с выводами в этом вопросе.

О ВРЕДЕ ВРЕДНОСТИ

Рэд терпеть не может идти позади всех. Если мы все вместе куда-то отправляемся, он обязательно должен бежать впереди, изо всех сил натягивая поводок, и первым совать во всё нос. Это и понятно: ведь всё самое интересное — впереди! Так зачем же плестись в конце?

И на даче, в лесу, на летней тропинке или на зимней лыжне, он тоже всегда бежит первым. Если ему приспичит на минуту отвлечься, чтобы пометить какой-нибудь кустик или обнюхать разгрызенную кем-то шишку, он потом обязательно всех обгонит и возглавит группу. И вообще, в лесу у него

такой озабоченный вид, будто не мы его, а он нас вывел на прогулку. Папа объяснил: в лесу собака ориентируется лучше людей, больше, чем люди, видит, слышит и потому волнуется, как пастух, который отвечает за маленькое, беспечное, легкомысленное стадо.

Ну так вот. Приехала как-то к нам на дачу одноклассница Алёнки — Фрося. Приехала специально, чтобы на лыжах потренироваться — у них с Алёнкой в школе зачёт приближается, лыжный кросс. Кто зачёт сдаст, тот в весенние каникулы поедет на родину Деда Мороза, кто не сдаст — тот не поедет.

Рэду Фрося сразу понравилась — большая, основательная, смотрит вокруг по-хозяйски, лишнего не говорит. Рэду вообще нравятся большие люди — есть в них что-то неторопливое и надёжное. И бутерброды, которые Фрося привезла с собой, Рэду тоже понравились: два батона, разрезанных вдоль, а между половинками — колбаса, сыр, огурчики солёные... Сразу видно: человек и к еде подходит основательно, без шуток. Рэд такой подход к еде очень даже одобряет.

А вот Фрося к Рэду отнеслась строго. Не то чтобы он ей не понравился, но...

— Он что, у вас дома живёт? — неодобрительно спросила она.

Рэд уже понял, что все собираются в лес, и вертелся под ногами, чтобы его не забыли взять с собой.

— Дома. Где же ещё? — удивилась Алёнка.

— Я люблю, когда собака в конуре живёт. Во-первых, грязи в доме меньше. А во-вторых, из конуры двор сторожить удобнее.

— У нас тут нечего сторожить, — рассмеялась мама. — И не от кого.

— Зачем же он тогда нужен, если сторожить нечего? — удивилась Фрося. И попросила: — Вы мои бутерброды куда-нибудь подальше положите. А то он на колбасу больно ласково смотрит.

Мама опять рассмеялась:

— За колбасу не волнуйся — Рэд с вами в лес пойдёт. И в лесу ты поймёшь: когда рядом собака — чувствуешь себя намного спокойнее.

Дело в том, что дети в лес одни собрались. Папа приехать на дачу не смог — у него важная встреча на работе. А у мамы по дому много дел: стирка, уборка, обед.

— Мы в дальний лес не пойдём, — успокоила маму Алёнка. — Только в ближний. А ближний я как свои пять пальцев знаю.

Фрося выслушала Алёнку с интересом.

— А волки в ближнем лесу есть? — спросила она.

— Волков нет, — улыбнулась Алёнка. — Белки есть. И ежи.

— Жалко, — сказала Фрося. — Никогда в жизни не видела живых волков.

Все на неё посмотрели и поняли: если такой Фросе в лесу встретятся волки, то ещё неизвестно, кому больше не поздоровится, Фросе или волкам.

— Терпеть не могу лыжи, — сказала Фрося, как только дети выехали из посёлка в лес. — Да и ботинки жмут...

О том, что Фрося не любит лыжи, и говорить не нужно. Это и без слов видно.

Не слушаются лыжи Фросю: разъезжаются, проваливаются, не вперёд скользят, а назад. Да и вообще, великовата Фрося для лыж.

— Если ботинки жмут — плохо, — заметила Алёнка. — В тесных ботинках далеко не уедешь.

— Я их с прошлого года не надевала, — пояснила Фрося. — Нога за это время выросла. А ботинки-то — нет!

Если человек не любит что-то делать, а ему приходится, ничего хорошего не получится. Этому человеку всё время будет что-то мешать: лыжи будут не того размера, куртка покажется слишком жаркой или ботинки слишком тесными.

Фрося что-то прикинула в уме.

— Ладно, — сказала она. — Ничего. Уж очень к Деду Морозу охота. Я пальцы на ногах поджимать буду. Если поджать, вроде не жмёт.

Алёнка на всякий случай Фросю вперёд пропустила, чтобы всё время видеть, как у неё дела. А сама последней пристроилась.

Так вот про Рэда. Рэд, естественно, возглавил процессию.

Бежит и только ушами поводит, чтобы слышать, что творится у него за спиной. Точнее, за хвостом. Если отвлечётся по

своим собачьим делам, то потом всех догонит, протиснется вперёд и снова возглавит маленький лыжный отряд.

— А что это он всё время вперёд лезет? — удивилась Фрося. — Командир, что ли?

— Да нет, — ответила Алёнка, — просто собака лес лучше людей понимает и поэтому чувствует за всех ответственность.

— Как это? — насторожилась Фрося.

— Очень просто. Волнуется, чтобы мы не зашли не туда. Чтобы никто не потерялся. Ну как пастух за своё стадо.

Фрося хмыкнула. И переспросила:

— Как кто? Как пастух? Что же это получается? Он — пастух, а я — овца?

И по её упрямому лицу стало ясно: быть овцой Фрося никак не согласна.

Так бывает с девчонками. Девчонки терпеть не могут, когда ими кто-то командует. Они и строем ходить не любят. А уж тем более быть овцами в стаде. Они любят гулять сами по себе, девчонки.

И Фрося начала вредничать.

Вот, к примеру, доедут они до развилки. Одна лыжня в одну сторону, другая — в другую. Рэд остановится, прикинет что-то по-своему, по-собачьи, и побежит, например, направо. А Фрося, которая идёт следом, специально налево повернёт. Алёнка,

естественно, за Фросей — получается, что Рэд не в ту сторону побежал и оказался последним.

Спохватится Рэд, развернётся, припустит, обгонит всех и опять возглавит колонну. Но ненадолго. На следующей развилке он направо возьмёт, а Фрося, из вредности, — налево. Так что Рэд опять вроде как в дураках окажется.

Рэд сначала не понимал, в чём дело. Думал, что так случайно получается. А потом догадался: нет, не случайно. И не то чтобы обиделся, но как-то поскущнел. Ведь он-то хотел как лучше. Он хотел Фросе понравиться, выступить перед ней молодцом. А получается наоборот: Фросе так не нравится. А если не нравится, ему всё равно. Он не навязывается.

После очередной развилки он не стал никого обгонять, а побежал сзади. В конце концов, и сзади бежать хорошо. По крайней мере, никто на пятки не наступает.

Так и пошли: Фрося впереди, за ней Алёнка и последним Рэд.

Но одно дело, когда хочешь кого-то обогнать, и совсем другое — идти и идти первым. Фросе это быстро надоело.

Она остановилась на ближайшей полянке и сказала:

— Ну всё! Хватит! Я есть захотела. Пора домой.

— Мы же только вышли! — удивилась Алёнка.

— Всё равно. Надо домой. Я, если голодная, сама не своя! К тому же нога...

— Что?

— Натёрла, похоже, — сказала Фрося. — Пятка горит, и за неё как будто щиплет кто-то.

Нога — это серьёзно, с натёртой ногой далеко не уедешь. Алёнка, конечно, огорчилась — они с мамой и папой в десять раз больше на лыжах проходят! А может быть, и в сто! Но ничего не поделаешь: все развернулись, переставляя лыжи веером, и пошли обратно. Алёнка первая, за ней Фрося и позади всех, с рассеянным видом, Рэд.

Шли они шли, шли-шли — и пришли к развилке: одна лыжня направо уходит, другая — налево.

Остановилась Алёнка: куда идти? Ясно, что они по одной из этих лыжней приехали, но вот по какой? Из-за Фроси они столько раз поворачивали направо-налево, что уж и со счёта сбились.

— Ты что? — спросила Фрося.

— Никак не соображу, откуда мы пришли, — ответила Алёнка.

— Справа, — по-хозяйски сказала Фрося. Потом подумала и добавила: — А может, слева...

То-то и оно, что непонятно. И место какое-то совсем незнакомое...

— Так справа или слева? — спросила Алёнка.

— Мне всё равно, — ответила Фрося. — Главное, чтобы домой поскорее.

Смотрит Алёнка, правая лыжня вроде бы надёжнее выглядит, более накатанная, по ней больше лыжников прошло. Может, сюда надо?..

— А если очень сильно ногу натереть, — спрашивает Фрося, — что будет?

— Ничего не будет, — думая о лыжне, ответила Алёнка. — Пузырь лопнет, на его месте новая кожа вырастет. Если только грязь в ранку не попадёт.

— А если попадёт?

— Если попадёт, то хуже. Может начаться воспаление. А потом гангрена.

Фрося кивнула: чего-то подобного она и ожидала.

— Но ты не бойся, — успокоила её Алёнка. — Гангрена редко бывает. Один случай на миллион!

Фрося дёрнула плечом.

— Я не боюсь, — сказала она. — Ган-

грена — это даже неплохо. Если гангрена начнётся, меня по-любому от лыж освободят. И к Деду Морозу я без всякого зачёта попаду!

Решили идти направо, туда, где лыжня больше накатана. Алёнка впереди, потом Фрося, и последним Рэд.

Шли они шли, шли-шли и вышли к незнакомому ручью.

Вода в ручье почему-то не замёрзла, журчит, по обледенелым камням перекачивается. Через ручей — мостик из двух досок. Одна лыжная колея по одной доске проходит, другая по другой.

Все опять остановились.

— Что-то я не помню этот ручей... — проговорила Алёнка.

— Ручья точно не было, — подтвердила Фрося. — Я бы по этому мостику ни за что не пошла! Доски больно хлипкие.

Алёнка согласилась. Увесистую Фросю такие доски могли бы и не выдержать. Да и вообще место совсем незнакомое, не шли они здесь.

— Похоже, на той развилке, — Алёнка кивнула назад, — нужно было не направо, а налево поворачивать.

— А я говорила, что налево, — напомнила Фрося.

Говорила или нет — теперь не важно. Нужно разворачиваться, возвращаться на ту развилку и идти по другой лыжне.

— Зря я перед выходом бутерброды не съела, — сказала Фрося. — А ещё лучше было их с собой взять. Сейчас бы рубанула бутерброд — и порядок!

Она вздохнула и добавила:

— Терпеть не могу лыжи!

Двинулись обратно. Вернулись на развилку. И пошли по другой лыжне, той, что налево уходила.

Незаметно для самих себя все прибавили хода — когда нервничаешь, всегда начинаешь торопиться. И вот ведь что странно: лес-то ближний, знакомый, Алёнка здесь сотни раз была. Но если нервничаешь, то бывает, и по знакомым местам идёшь, а они тебе совершенно незнакомыми кажутся.

Шли они шли, шли-шли — и вышли на просеку.

На просеке бульдозер заброшенный стоит, лежат поваленные деревья, отдельно — гора спиленных сучьев. Лыжня уходит под гору сучьев и там теряется...

— Здесь, похоже, мы тоже не были... — упавшим голосом сказала Алёнка.

— Не были, — согласилась Фрося. —

Бульдозер я бы точно запомнила. Люблю бульдозеры: они большие и сильные.

Бульдозер бы все запомнили. Бульдозер — штука заметная.

А теперь — что же получается? На развилке только две лыжни было. Правая к ручью привела. Левая — к этой лесной вырубке. А где же дом? Как домой попасть?

— Вы же говорили, что это ближний лес, — заметила Фрося. — И вы его как свои пять пальцев знаете.

— Ближний-то мы знаем. Но мы, пока поворачивали туда-сюда, похоже, в дальний лес забрели....

Фросе эта новость совсем не понравилась.

— А что же ваш пёс? — спросила она. — Почему он нас обратно к дому не ведёт? Зря, что ли, мы его с собой взяли?

Алёнка посмотрела на Рэда. Тот стоял, смотрел на девочку с интересом и помахивал хвостом.

— Рэд! — скомандовала Алёнка. — Где дом? Куда нам идти?

Рэд склонил голову, вслушиваясь в её слова, переступил на месте и ещё сильнее замахал хвостом.

Дело в том, что собаки, конечно, всё понимают, но человеческой речи не разбирают. Они знают отдельные слова, но в це-

лом ориентируются на интонацию, общий смысл, судят по ситуации.

Если, например, все полдня гуляли по лесу, собирали грибы, ягоды, прошли много километров, устали, проголодались и папа наконец говорит: «Всё! Пора *домой!*» — тут всё понятно. Домой так домой.

А если всё наоборот: только что вошли в лес, ещё и трёх километров не прошли, а все зачем-то начали ходить туда-сюда, советоваться и говорить: «*дом, дом!*» — поди тут разбери, что они имеют в виду. Может, забыли что-то. Может, завтрак вспоминают. Может гадают, готов ли уже обед.

— Ну? Что же он? — спросила Фрося.

— Он не понимает, что мы заблудились, — ответила Алёнка

— Как это не понимает?! — возмутилась Фрося. — Что значит — не понимает?! Я же ногу натёрла! И есть хочу! А ну, барбос, веди нас домой! Или я за себя не отвечаю!

А Рэд смотрит на неё и приветливо помахивает хвостом. Как хотите, а нравится ему большая Фрося и он не понимает, почему она сердится.

— Ты сама виновата, — сказала Фросе Алёнка. — Зачем ты его всё время обгоняла? Бежал бы Рэд впереди, мы бы никогда не заблудились!

— Ах это, значит, я виновата? — рассердилась Фрося. — Я, значит, плохая, а он хороший! Только теперь из вредности не хочет нас вести домой?

— Он не из вредности, — возразила Алёнка. — У собак вредности не бывает!

Это на самом деле так. Собаки не знают, что такое вредность. Вредность — чисто человеческое качество.

— Ну всё! — сказала Фрося. — Кажется, началось!

— Что?

— Воспаление. Пятка вся огнём горит. И живот свело! Сейчас сяду прямо на снег и умру от голода!

Тут в голову Алёнке пришла счастливая мысль. Она достала из кармана мобильный телефон и набрала номер мамы.

— Как дела? — спросила мама. — Как ваша прогулка?

— Прогулка хорошо, — ответила Алёнка. — Только мы заблудились.

— Как это заблудились? Почему?

Алёнка только хмыкнула. Знать бы, почему заблудились, — давно бы нашли дорогу домой.

Мама и сама поняла, что вопрос неуместный.

— А вы где? Далеко? — спросила она.

— Я не знаю... — Алёнка почувствовала, как у неё что-то сжалось в груди и защемило в носу.

— Спокойно. Без паники! — сказала мама. Она постаралась трезво оценить ситуацию. — А что же Рэд? Почему он не ведёт вас домой?

— Он не понимает, что мы заблудились, — объяснила Алёнка. — Мы ему говорим, а он не понимает.

— Ясно, — говорит мама. — Ну-ка дай ему трубку.

Алёнка подозвала Рэда и поднесла к его уху мобильный телефон.

— Рэд! Рэдик! Слушай меня внимательно! — сказала мама. И Рэд прислушался. — Вам пора *домой*. *Обед* готов. Скоро *папа* приедет. *Домой*, Рэд! *Домой!* *Ко мне!* Беги *ко мне!*

И Рэд понял мамины слова. Он вострепнулся, огляделся вокруг, принялся, поднимая голову вверх... И побежал вперёд, на просеку, к бульдозеру и поваленным деревьям.

— Стой, Рэд! Мы там не шли, — крикнула ему вслед Алёнка.

Но Рэд даже не обернулся. Он бежал так уверенно, что Фрося только махнула рукой, подхватила и потрусила на лыжах за ним. А следом и Алёнка.

Дело в том, что собака в лесу по своим собачьим приметам ориентируется. Для собаки самое главное — запах. И большой посёлок, с машинами, печными трубами, жарящимися шашлыками, магазином и помойкой, собака в лесу за много километров чувствует.

Рэд обежал кучу веток, отыскивал за ней продолжение лыжни и, на ходу принимаясь к чему-то, потрусил по этой лыжне. Обернулся нетерпеливо, — ну скоро вы там? — а никого подгонять не надо, девчонки и так стараются изо всех сил.

Рэд побежал по лыжне вдоль просеки, потом свернул в колею снегохода, потом на припорошенную снегом тропинку, потом на лыжню, опять на тропинку — и скоро вывел подружек к знакомому забору посёлка. Только не к воротам, в которые они вышли утром, а к калитке с противоположной стороны.

...Дома всех уже ждал накрытый к обеду стол. На первое мама приготовила бульон и пирожки с капустой. На второе — грибную запеканку. А на третье — мороженое, политое сверху брусничным вареньем.

И тут оказалось, что в лесу все ужасно проголодались! И с аппетитом принялись за еду. Фрося и первого, и второго, и третьего по две порции съела, а потом, передохнув, проглотила ещё и пять пирожков с капу-

стой. И только после этого вспомнила про больную ногу.

Мама ногу тщательно осмотрела. Фрося натёрла довольно большой пузырь, и он успел прорваться. Но мама обработала натёртое место спиртом, а потом заклеила пластырем — так что к электричке, чтобы ехать домой, Фрося шла совсем не прихрамывая.

А Фросины бутерброды так и остались нетронутыми. И мама, когда Фрося начала собираться, отдала их ей с собой.

Фрося подумала-подумала, вздохнула, разделила бутерброд пополам и одну половину протянула Рэду. В знак признательности и дружбы. И Рэд абсолютно правильно понял, что имела в виду Фрося: он взял угощение, отнёс в свой уголок и с удовольствием съел — сначала колбасу, потом солёные огурчики, а потом и булку с маслом. Так что они с Фросей расстались очень довольные друг другом.

А вторую половину бутерброда Фрося всё-таки взяла с собой. Во-первых, потому, что Рэду обе не съесть: слишком они большие. А во-вторых... Во-вторых, на всякий случай. Мало ли что, вдруг Фрося проголодается дорогой?

Ведь всем известно: Фрося, когда проголодается, сама не своя.

ЧТО РЭД ЛЮБИТ, А ЧЕГО — НЕТ

Рэд любит, когда дома на обед курица. От курицы остаётся много отходов — хрящики, кожа, нежные косточки... Люди не едят эти чудесные вещи, оставляют в тарелках — всё, естественно, достаётся собаке. Как после этого не любить курицу?

Рэд любит маринованные огурчики, особенно если огурчики небольшие и хрустящие. Он не торопится их глотать, как другие вкусные вещи — сыр или, скажем, колбасу, а жуёт долго и смачно, жмурясь от удовольствия, наслаждаясь хрустом и брызгающим соком. И вообще, всю хрустящую еду — сухарики, морковку, сахар —

он сразу признаёт вкусной, не обнюхивает её подозрительно, не пробует осторожно на зуб, а тут же принимается хрустеть и жмуриться. Он и яблоки любит из-за хруста — даже мелкие, даже несладкие, даже не совсем зрелые. Алёнка этим пользуется и, лёжа с книжкой на диване, скармливает ему огрызки своих яблок, которые ей лень донести до мусорного ведра. Рэд не обижается — ну и что, что огрызок, всё равно вкусно и хрустит!

А вот киви, манго и хурму Рэд не любит. Что за фрукты такие — непонятно. Почему люди любят эту вязкую приторность? Зачем вообще нужны экзотические фрукты, если в природе есть такая прелесть, как яблоки? И сливочные тянучки он терпеть не может: вкус, конечно, ничего, приятный, но так противно липнут к зубам. Бр-р-р!

Больше всего он любит грызть большую сахарную кость. Ради большой сахарной кости он готов отложить все другие дела, даже самые любимые. Хорошую твёрдую кость, если её не отобрать, он будет грызть сутки напролёт, лишь изредка прерываясь, чтобы попить водички, а потом очень-очень быстро сходить по естественной надобности на улицу. Но кости в больших количествах

собакам вредны, поэтому такой праздник случается у него не часто.

Но что мы, собственно, всё о съедобном да о съедобном? Не в еде счастье, в конце концов!

Рэд очень любит ехать в машине — неважно куда, лишь бы ехать и ехать. В машине, само собой, лучше всего сидеть на переднем сиденье рядом с водителем — оттуда отлично видна вся дорожная обстановка. Если погода хорошая, то нет ничего прекраснее, чем высунуть голову в открытое окно, прищуриться от ветра, прижать покрепче уши и тянуть, тянуть носом волнующий и весёлый ветер дальних странствий. Ведь это так здорово — ехать и ехать куда-нибудь вместе с теми, кого любишь и кому ты дорог!

Рэд терпеть не может петарды. Кто вообще изобрёл эту оглушительную дрянь?! Только на всю голову отмороженные могут радоваться огню, дыму и грохоту в опасной близости от своих глаз, ушей и носа. Новогодняя ночь для Рэда — самое беспокойное время в году: он не спит, не ест, бегают из комнаты в комнату, от окна к окну и лает, лает, лает. Даже ёлка, праздничный стол и общее веселье ему не в радость.

Он не любит бытовые приборы, которые издают много шума: кофемолку, миксер,

дрель. Из-за шума не любит мотоциклы, а заодно и мотоциклистов, сердится и лает на них: ездили бы лучше на велосипедах, шума меньше, а пользы для здоровья больше. А вот пылесос очень любит, сам подставляет бока и спину, чтобы их попылесосили.

Недолюбливает пьяных — никогда не знаешь, чего от них ждать. А к кошкам относится на удивление лояльно — если те скромны, чистоплотны и знают своё место. Если кошка непуглива и хладнокровна, не убегает в панике, а запрыгивает, скажем, на ограду и с презрением оттуда посматривает, Рэд испытывает к ней нечто вроде уважения. Но пугнуть для смеха какую-нибудь расфуфыренную матрону с бантом на шее, которая щурится на свет и брезгливо ступает по весенней травке, — это для него самое милое дело. В этом удовольствии он себе никогда не откажет.

Он не любит мыть лапы после прогулки, но что поделаешь, приходится. Не любит сильных запахов, когда, например, пахнет свежей краской или растворителем. Очень не любит скользкий пол... Не любит, когда вычёсывают шерсть щёткой и стригут специальными щипчиками когти. Вообще-то, когти у собак сами собой стираются об асфальт или об другой твёрдый грунт,

но городские собаки не имеют возможности бегать столько, сколько нужно, и когти им приходится подстригать.

Любит, когда люди на улице останавливаются, смотрят ему вслед и с восхищением замечают, какой он красивый, мужественный и сильный... Не то чтобы он всерьёз относится к подобным словам, но ведь всё равно приятно! Любит, когда чешут грудь между лапами или спину около хвоста — это самые трудные места для того, чтобы почесать их самому. Любит бежать рядом с велосипедом, а лучше сразу с несколькими велосипедами, чтобы все вместе, всей семьёй. Любит воду и неплохо плавает. Но предпочитает не плавать, а ходить по мелководью, чтобы вода плескала в живот, лакать, следить за водомерками и гавкать на тех, кто слишком осмелел и далеко заплывает.

Рэд очень любит, когда выпадает первый снег. Он такой белый и пушистый, этот первый снег, и всё вокруг становится праздничным и весёлым. Так здорово зарываться в снег мордой, бороздить его на бегу носом, хватать его зубами и подбрасывать вверх. Рэд вообще любит снег, снежки, снеговиков, любит поваляться, покататься на спине по свежему снегу. А вот метель

не любит. Ну её, эту метель, мерзкая это штука, если ты оказался на улице и тебе некуда идти...

Рэд любит, когда в доме мир и покой. А когда кто-то ссорится, сердится, ругается — терпеть не может.

Он очень не любит, когда все расходятся по углам и каждый утыкается в свой гаджет: кто-то читает новости, кто-то пишет письмо, кто-то выкладывает фото, кто-то смотрит мультик. Ну разве это дело, когда каждый сам по себе?

А вот субботние завтраки он очень-очень любит. Когда никто не торопится ни на работу, ни в школу и все наконец собираются за столом... У всех хорошее настроение, выходные только начинаются, и всё ещё впереди. В субботу утром мама всегда готовит что-то вкусное... Все уплетают за обе щеки и строят планы, как одна дружная команда, и Рэд, конечно, в центре, в самой гуще этих планов.

И воскресные вечера он очень любит... Когда под занавес выходных все собираются под зелёной лампой и папа читает вслух какую-нибудь книгу. За окном может лить дождь или валить снег, а в гостиной уютно и тепло. Рэд ложится в самом центре, на ковре, у всех на виду. Он, конечно,

не понимает слов, но и без слов чувствует: в жизни всё правильно и хорошо. Все свои рядом, все любят друг друга, в мире царят порядок и покой.

Незаметно он засыпает...

Что ему снится? Кто знает... Наверное, что-то очень хорошее...

Что-нибудь из детства — мама, братья, сёстры. Тихий уголок за строительным вагончиком, старый тополь над бетонным забором, дырявая тень на весенней траве, тёплый ветерок, перебирающий ещё не уставшую от летней жары листву... Где-то в стороне грохочет, лязгает, ревёт моторами большая стройка, а за вагончиком мир и покой. Мама задремала, утомлённая заботой о малышах, — большая, тёплая, добродушная. А те устроили кучу-малу у неё под боком, — борются, толкаются, прихватывают друг друга маленькими острыми зубами. Рэд среди них — конечно же, самый силь-

ный, самый ловкий, самый храбрый. Мама во сне чутко поводит ухом, прислушиваясь к щенячьей возне, и Рэд чувствует, знает, что он хоть и шалун, но для неё — самый любимый, самый близкий, самый дорогой.

Небо над головой безоблачно, солнце светит щедро и ласково, в воздухе кружит первый тополиный пух... И его жизнь, такая большая и прекрасная, ещё вся, вся впереди.

О ВОРОВСТВЕ

Войдя в калитку дачного участка, папа сразу понял: что-то произошло. Рэд не бросился, как обычно, встречать его сломя голову. Алёнка была тиха и невесела. А на маме вообще лица не было. То есть лицо на маме, конечно, было, но выражение имело очень-очень расстроенное.

— Что случилось? — спросил папа.

Мама как-то странно на него посмотрела и ничего не ответила.

— К Земле летит метеорит и, по расчётам, попадёт точнёхонько в наш дом? — предположил папа. Он, похоже, приехал из города в очень хорошем настроении.

— Нет.

— Вы нашли под яблоней гигантское яйцо, и из него вот-вот вылупится динозавр?

Мама озабоченно покачала головой. Она совсем не была расположена к шуткам.

— Неужели кто-то опять залил вареньем мой рабочий компьютер? — насторожился папа.

— Всё гораздо хуже, — сказала мама. — В нашем доме завёлся вор!

Папа вскинул на маму удивлённые глаза. Она кивнула: да-да, завёлся вор, и теперь неизвестно, как мы сможем жить дальше.

— Кто же этот вор? — спросил папа.

— Угадай! — ответила мама.

Папа задумался.

— Вряд ли это ты. Ты — вне подозрений, — начал рассуждать он. — Я целый день был на работе. Кто ещё?

Лицо Алёнки было печально и строго — это совсем не то выражение, какое бывает у детей, которые сделали что-то не так.

Мама вздохнула. И указала глазами на садовую скамейку, из-под которой торчал пушистый рыжий хвост. Папа понял: под скамейкой прячется Рэд и мама говорит именно о нём.

— Неужели? — воскликнул папа.

— Представь себе!

— И что же украл этот *вор*? — Папа как можно сильнее выделил голосом последнее слово.

Торчащий хвост дрогнул и попробовал спрятаться под скамейку.

— Круг копчёной колбасы у нашей соседки Софьи Николаевны!

— Быть не может!

— К Софье Николаевне приехал сын-моряк, — рассказала мама, — привёз всяких домашних копчёностей — и Рэд украл колбасу.

— Из холодильника?

— Нет. Со стола в беседке.

— Прямо из-под носа?

— Нет, конечно. Софья Николаевна с сыном на минутку отлучились в дом, Рэд прокрался в их беседку и стащил колбасу.

Хвост на всякий случай совсем убрался с глаз долой.

Софья Николаевна — одинокая женщина, живущая справа от нас. Она очень уважаемый и достойный человек, в связи с возрастом находящийся на пенсии. Между прочим, заслуженный учитель Российской Федерации.

Софья Николаевна очень воспитанная, по телевизору смотрит только канал «Культура», любит книги, а из её окон всё

время слышится классическая музыка. Она и соседка хорошая: всегда выручает, остаётся с детьми, когда нужно, приглядывает за домом, угощает смородиной и свежими огурцами. Но у Софьи Николаевны есть один недостаток — она побаивается собак. Побойвается и поэтому не любит.

А Рэд почему-то относится к Софье Николаевне как к своей подруге. По-приятельски подшучивает над ней. Например, подкараулит за сараем и внезапно выскачит, чтобы та вскрикнула от неожиданности. Или помогает ей возиться в огороде: лежит рядом и, когда она отворачивается, уносит в зубах лопатку или садовую перчатку.

Рэд шалит от чистого сердца, чтобы жить было веселее. Он ждёт, что Софья Николаевна тоже обрадуется его шуткам, а Софья Николаевна обижается. И даже сердится. Из-за этого между нашими участками пришлось в конце концов построить забор...

— Как же он пробрался к соседям? — спросил папа.

— Софья Николаевна заходила за солью и, возвращаясь, забыла закрыть за собой калитку...

— А-а...

— Сама виновата! — пожаловалась Алёнка. — Сначала калитку оставила открытой,

потом колбасу на столе... Что она хотела? Всё проворонила, а теперь Рэд виноват!

— Нельзя так говорить про взрослых! — остановила Алёнку мама.

— Но если она сама виновата!

Рэд лежал под скамейкой тише воды ниже травы.

— Что ж, история скверная, — сказал папа. — Придётся купить Софье Николаевне круг копчёной колбасы — взамен съеденной. Или даже два круга. А может, и все три!

— Всё не так просто, — печально проговорила мама. — Колбаса Софье Николаевне не нужна. У них с сыном ещё есть.

— А что им нужно?

— Они требуют, чтобы мы как следует наказали вора.

— Как это?

— Выдрали бы его как сидорову козу!

Папа задумался.

Рэд, конечно, озорник, временами даже хулиган, но чтобы вор... Эту самую колбасу он, скорее всего, стащил не столько ради самой колбасы, сколько из озорства, шутки ради, никак не ожидая, что из-за неё получится такой сыр-бор.

Мы-то его отлично понимаем, но как объяснить это правильной Софье Николаевне?

— Но ведь они даже не видели, как Рэд стащил колбасу! — возмутилась Алёнка. — Может быть, это вообще не он!

— Больше никому, — вздохнула мама. — Посмотри на его морду. На ней абсолютно всё написано!

Это правда. Собаки не умеют хитрить. Рэд всегда выдаёт себя с головой. То, что он набедокурил в наше отсутствие, сразу заметно: хвост поджат, уши опущены, прячется где-нибудь под столом и даже не выходит никого встречать...

— Одно дело стащить из-под носа перчатки... или тяпку... И совсем другое — сожрать соседскую колбасу, — сказала мама. — Дело не в колбасе, дело в принципе. Воровство недопустимо — в этом я совершенно согласна с Софьей Николаевной. Если не пресечь воровство в корне, нам вообще жизни не станет!

Папа посмотрел на маму... Она была права. Потом на Алёнку... Лицо Алёнки пылало от негодования. Вопрос запутывался всё больше и больше...

— А можно мы сначала поужинаем? — попросил папа. — Очень есть хочется...

На ужин мама приготовила вареники с вишней. Мы все любим вареники с вишней. Особенно папа. Папа любит вареники

почти так же, как пироги с грибами. А уж за хороший пирог с грибами он готов полгода жизни отдать. Или даже год. Так, по крайней мере, он всегда говорит.

Но в этот вечер все мы ужинали без всякого аппетита. И разговор за столом на открытой террасе как-то не клеился.

Когда мы ужинаем, Рэд, как правило, сидит на самом видном месте, у стола. Нет, он не попрошайничает, не подумайте плохого, но очень внимательно следит за тем, кто какой кусок отправил в рот. И всем сопереживает. Если ты отправляешь в рот что-то ароматное и вкусное, например, шашлык, — он за тебя радуется. Если что-то полезное, но противное, например, манную кашу, он тебе сочувствует. А особенно он любит, когда едят что-то хрустящее.

На этот раз он даже не подошёл к столу. Более того, он даже из-под скамейки не вылез...

— Вы, кстати, не знаете, в чём провинилась сидорова коза? — попробовал разрядить обстановку папа. — Она тоже украдала колбасу?

— Козы колбасу не едят! — заметила Алёнка. Заметила почему-то с обидой.

— А что едят козы?

— Траву... берёзовые веники... — стала вспоминать мама.

— Ну тогда понятно! — с облегчением сказал папа. — Сидор заготовил веники для бани, а коза...

— Не понимаю, как вы можете шутить в такой момент! — возмутилась Алёнка.

— А что ты предлагаешь? — спросил папа.

— Сказать Софье Николаевне, что мы без неё разберёмся, что нам делать с нашей собакой, наказывать Рэда или нет. Нам её кот, может быть, тоже не нравится, но мы же молчим!

— Алёна! — повысила голос мама. — Нельзя так говорить про взрослых!

— Дело не в том, кто кому нравится, — возразил папа. — Но, если украл — значит, преступник. А покрывать преступников нельзя — даже если они тебе родня и ты их любишь. Иначе в мире начнётся всеобщий хаос и беспредел.

Все подумали немного и поняли: папа прав.

— А если мы считаем, что Рэд не виноват, и наказываем его только ради соседской бабушки, то получается, что мы своих сдаём! — с жаром сказала Алёнка. — А мы своих не сдаём!

Все подумали и над этим. И вынуждены были признать, что Алёнка тоже права...

Эх, надо было отшлёпать Рэда сразу же, под горячую руку — и проблемы бы никакой не было. А теперь...

Ужин заканчивали в полном молчании. Каждый думал о чём-то своём. И все думали об одном и том же...

После ужина Алёнка ушла смотреть вечернюю сказку по телевизору.

А папа с мамой так и остались сидеть за неубранным столом.

От соседей потянуло берёзовым дымком — это сын Софьи Николаевны затопил баню. Он любит баню и, когда приезжает, всегда её топит. Большая, нахальная, любопытная ворона с парадным, сияющим видом сидела на крыше бани, как будто дымок из трубы вился в её честь и для её, вороны, развлечения.

— Тебя в детстве когда-нибудь наказывали? — спросил папа.

— В каком смысле? — не поняла мама.

— В смысле ремнём.

— Нет, конечно. Я же девочка.

— И меня не наказывали. Хотя я и мальчик. Даже в угол никогда не ставили.

— И меня не ставили...

Мимо забора в сторону беседки прошла Софья Николаевна с корзинкой в руках — после бани её сын всегда ужинает на све-

жем воздухе. В нашу сторону Софья Николаевна старалась не смотреть, но по тому, как она расставляла на столе тарелки, раскладывала вилки и ножи, как доставала из корзинки разную еду, было понятно: она очень, очень обижена.

Вообще-то, она хороший человек, Софья Николаевна. Очень хороший! Просто собак как следует не знает и поэтому недолюбливает.

По её мнению, собака нужна для того, чтобы сторожить дом, разыскивать преступников, охранять с пограничниками государственную границу или служить поводырём слепому. Перед собаками, которые во время войны подрывали вражеские танки, Софья Николаевна искренне преклоняется. Городские домашние собаки, считает она, могут приносить хозяевам газету или тапки — если уж ни на что другое не способны.

Её позиция понятна. Рэд не сторожит границу, не разыскивает преступников и даже не приносит тапки. Но для нас это всё не важно. Потому что он — наш друг. Который нас очень любит. Скучает, когда мы уходим. Радует, когда возвращаемся домой. Когда нам хорошо — и у него хорошо на душе, а когда нам плохо — и он не находит себе места. Нам иногда кажет-

ся: случись с нами что-нибудь серьёзное, какое-нибудь несчастье со смертельным концом, — Рэд тоже не станет жить дальше!

Рэд сирота. Когда Алёнка его подобрала, он был маленький, беззащитный и очень трогательный. Мы все отлично помним это время. Как он ел из блюдечка и никак не мог наесться. Как сделал первую лужу на паркете... Как поначалу был осторожен и недоверчив. И как потом поверил нам и всем сердцем нас полюбил...

Книги учат, что собаку нужно дрессировать. Поощрять вкусным лакомством за успехи, за провинности наказывать ремешком. Но разве можно дрессировать друзей? Разве можно друзей наказывать? Даже если они вытворяют что-то совсем недостойное. Ведь друзья — это друзья... Если они совершат какой-то неправильный поступок, можно сильно от этого расстроиться, можно даже заболеть. Но наказывать?..

— Я был очень живой мальчишка и всё время попадал в какие-нибудь ситуации, — припомнил папа. — Родителям на меня постоянно кто-нибудь жаловался — учителя, соседи, наш дворник... А родители меня не то что не били никогда — даже толком не ругали. Только очень огорчались. Очень! Что я такой озорной. И всё время попадаю

в неприятные ситуации. И что многие взрослые считают меня совсем пропащим. Родители огорчились, и мне от этого было так нехорошо, так стыдно... Я часто думал: уж лучше бы они меня наказали, подзатыльник бы дали, в самом деле... Получил бы я свой подзатыльник — и всё, вроде как расплатился по счетам, можно бежать дальше. А когда родители переживают и молчат — бежать дальше не получается... Понимаешь?

Мама почему-то ответила не сразу.

— Понимаю, — сказала она.

Рэд под скамейкой зашевелился и горестно вздохнул. Вздохнул так, будто и он папу очень-очень понимал.

Можно даже было подумать, что он уже страшно жалеет об этой самой колбасе. На кой она ему вообще сдалась? Знать бы, что всё так получится, он бы к ней на километр не подошёл!

— И вот я часто думаю: может быть, именно так у человека вырабатывается совесть? — сказал папа. — Когда он всё думает и думает о том, что натворил...

Где-то в лесу, за забором, закуковала кукушка... Она начала уверенно и громко, так, будто хотела куковать без остановки до самой темноты и накуковать всем по сто лет

жизни. Но после третьего «ку-ку» отчего-то запнулась, сбилась и смущённо замолчала.

— Может быть, так и вырабатывается... — помолчав, ответила мама.

Кончик хвоста под скамейкой несколько раз едва заметно хлопнул по земле. Как будто спрашивая: «А может, ерунда? Может, забудем? Подумаешь, большое дело, кусок колбасы!»

Просто удивительно, как много собаки умеют сказать одним лёгким движением хвоста!

Из соседского дома вышел сын Софьи Николаевны с полотенцем на плече. Он направился было в сторону бани, но, заметив на террасе папу с мамой, замедлил шаг. Подумал немного, потом изменил курс и пошёл в нашу сторону — любопытная ворона на крыше сделала несколько скачков, чтобы проследить, куда он идёт.

Сосед остановился у забора и положил локти на верхушки штакетника. Из-под его рукава показался наколотый синий якорь: наш сосед — морской офицер, командир торпедистов на подводной лодке.

— Ну что, соседи? — спросил он.

— Что? — отозвался папа.

— Неужели мы с вами поссоримся из-за колбасы?

— Из-за колбасы не хотелось бы... — признался папа.

Сосед симпатичный — уверенный, надёжный, весёлый. Алёнка его очень любит — он мастерит с ней кораблики, берёт её с собой на рыбалку и в лес, рассказывает морские истории.

— Но ведь дело не в колбасе... — заметил папа.

— Не в колбасе, — согласился моряк. — Плевать на колбасу. Что мы, колбасы не видели? Дело в том, что ваш пёс совсем отбился от рук. Никого не слушает, никого не уважает. Хулиганит, маму мою пугает...

Папа невесело кивнул. Что тут скажешь? Нечего сказать — всё верно.

— А теперь ещё и со стола ворует! Это уж вообще ни в какие ворота...

— Рэд, конечно, озорник, — согласился папа. — Но он... он... — папа сбился и замолчал.

Сосед — правильный человек. Для него всё в жизни просто и ясно. Как ему объяснить то, что мы понимаем про Рэда?

— Он, конечно, озорник... — повторил папа. — Но он — хороший!

Моряк посмотрел с удивлением:

— Не понял... Вы что же, совсем его наказывать не собираетесь?

— Собираемся, — заверил папа. — Ещё как собираемся! Наказывать — будем обязательно.

Папа шагнул в дом и позвал:

— Алёнка!

Алёнка вышла на крыльцо.

— Внимание! — сказал папа, обращаясь к маме и Алёнке. — Рэд стащил чужую колбасу, и оставить этот поступок без последствий мы не можем. Пёс должен быть наказан. Он должен почувствовать: мы ни в коем случае не будем мириться с его воровством. Мы все будем с Рэдом строги. Никто не должен играть с ним и давать ему сладости, гладить его и бегать с ним наперегонки. С этого момента — и как минимум в течение недели...

— Да вы что, ребята, издеваетесь? — изумился подводник. — Пёс спёр еду с чужого стола, а вы его не будете гладить? Он вор, а вы не будете бегать с ним наперегонки? Да если бы мы на подводной лодке воспитывали личный состав такими методами... Провинился матрос — а мы его без сладкого! Он вахту проспал, а мы, к примеру, запрещаем ему играть на компьютере. Знаете, что было бы? Наша подводная лодка давно бы пошла ко дну!

— Но мы же не на подводной лодке! — запальчиво возразила Алёнка.

— Это не важно. Собака должна знать своё место! Нельзя с ней миндальничать! Собака не человек! Она слов не понимает!

— А вот с этим я категорически не согласен! — воскликнул папа. — Ну, то есть согласен, конечно, собака не человек, но... Я убеждён: собака перед тобой или не собака, но, если ты обращаешься с кем-то как с сознательным существом, он и будет вести себя разумно и сознательно. А если, наоборот, всех подряд считать глупыми и вороватыми и воздействовать на них только кнутом и пряником, то очень скоро даже самые совестливые начнут вести себя как трусы, воры и подонки!

— Ну знаете... — возмутился сосед.

Но он не успел высказать свои возражения.

— Смотрите, смотрите! — вдруг закричала Алёнка.

Все обернулись и увидели, как соседская ворона, поняв, что никого поблизости нет, снялась со своего места на крыше, подлетела к беседке, опустилась на перила и перепрыгнула на стол. Это была неслыханная наглость, все обомлели от неожиданности, а ворона, подхватив лежащий на тарелке круг колбасы, опять перескочила на пери-

ла, взлетела и, тяжело работая крыльями, понесла колбасу прочь.

Первой, как обычно, пришла в себя мама.

— Держи, держи вора! — закричала она и громко захлопала в ладоши.

— Полундра! — на морской манер поддерживал её папа.

Сосед-подводник заложил пальцы в рот и засвистел так, что у всех заложило уши. А Рэд выскочил из-под скамейки и с громким лаем помчался к соседскому забору.

Испуганная ворона выронила колбасу, которая шлёпнулась в траву под яблоней. А птица-воровка, перевернувшись в воздухе, понеслась прочь.

— Вы видели?! Видели?! — кричала Алёнка. — Понимаете теперь, кто ворует со стола?!

На шум вышла из дома Софья Николаевна с половником в руках и встала на пороге. Её сын подошёл к яблоне, поднял колбасу и задумчиво повертел в руках.

То, что колбасу может стащить и ворона, теперь увидели все. Но того, что Рэд ни в чём не виноват, это ещё не доказывало.

Ни на кого не глядя, сосед достал из-за бани садовую лестницу, приставил её к стене и забрался на крышу. Осторожно

ступая, он прошёлся в одну сторону, потом в другую, заглянул за трубу и вытащил оттуда ещё один кусок колбасы, обгрызенный, маленький, собственно, и не кусок даже, а крохотный остаток с промасленной бечёвкой на конце.

— Видите теперь?! — воскликнула Алёнка. — Это всё ворона! А наш Рэд не вор! Он хороший!

Это и без всяких слов стало понятно. Теперь сомнений не было и быть не могло: Рэд ни в чём не виноват.

Он стоял среди нас, смотрел, задрав голову, то на одного, то на другого и приветливо помахивал хвостом. Довольный тем, что общее волнение наконец прошло и на него больше никто не сердится.

— Пойдите-ка! — вдруг спохватилась мама. — Если колбасу украла ворона, то почему Рэд полдня прятался под скамейкой и вид у него был явно шкодный?

А и правда — почему?

— Ну-ка! — строго спросил папа. — Признавайся, что ты ещё натворил!

Рэд прижал уши, спрятал хвост между ног, на полусогнутых полез под скамейку и вытащил оттуда фланелевую панамку, точь-в-точь такую, в какой Софья Николаевна любит работать в саду.

И мы наконец поняли, как всё произошло. Увидев открытую калитку, Рэд не мог удержаться от шалости; он прокрался к соседям и утащил первое, что попало на глаза, — панамку Софьи

Николаевны. Согласитесь, украденная панамка — это так смешно! Он думал, все повеселятся от души, и полдня пролежал под скамейкой, недоумевая, почему безобидная панамка вызвала такой переполох.

Воровать колбасу у него даже и в мыслях не было! Но собаки не умеют говорить и в человеческой речи понимают лишь отдельные слова. Поэтому они так часто не могут оправдаться и объяснить, как всё было на самом деле.

— Ах ты разбойник! — напустилась на Рэда мама. — Ах ты хулиган!

Но слова эти почему-то прозвучали в маминых устах совсем не строго, а наоборот, почти ласково. И все мы поймали себя на том, что смотрим на Рэда без всякого осуждения. А с одобрением и любовью.

А потом калитка распахнулась и к нам торжественно вошли Софья Николаевна и её сын-подводник. Вошли так, будто они не просто соседи, а официальная делегация дружественного государства. Сын-подводник нёс за верёвочку остаток колбасы с крыши — той самой колбасы, что ворона украла днём. А Софья Николаевна несла на бумажной тарелке колбасу из-под яблони, ту, что ворона пыталась украсть только что.

— Вот, — сказал моряк. — Это наш подарок вашему псу. Ты уж прости, брат, что мы плохо о тебе подумали. Не держи на нас зла. И в знак примирения и дружбы прими, пожалуйста, этот скромный презент.

— Ну что вы! — смутилась мама. — Не стоит. Да Рэду столько и не съесть!

— Ничего, ничего, — сказал сосед. — Съест. Чтоб такой молодец да не съел?

Кто-то другой, может быть, и впал бы в обиду, стал бы держать фасон: мол, вы меня подозревали, наговаривали на меня, и я теперь ни за что не приму ваши подарки, гордо отвернусь и даже на них не взгляну! Но Рэд не такой. Он отходчивый. Он не копит обид и легко прощает окружающим досадные ошибки, которые произошли по недоразумению.

Он с достоинством принял соседские знаки примирения, тут же устроился по-

удобнее и с аппетитом их съел. Оставив в траве только два аккуратных хвостика из промасленной бечёвки.

А потом мы все вместе пошли к соседям в баню. А после бани пили чай с бубликами у нас на террасе. И Рэду, который сидел рядом, у стола, и, по обыкновению, зорко следил за тем, кто что отправляет в рот, каждый незаметно от других дал по маленькому лакомому кусочку. Папа всегда говорит, что кормить собаку со стола непедагогично, но в этот вечер и он смотрел на кусочничество сквозь пальцы.

Все засиделись за столом допоздна, и даже Алёнка ушла спать далеко за полночь. Вот такой хороший конец получился у истории, начавшейся так печально.

А выражение «сидорова коза», между прочим, не имеет никакого отношения ни к Сидору, ни к его козе — папа специально заглянул с этим вопросом в Интернет. Происходит выражение от арабского «садар каза», что в переводе означает «приговор судьи». Просто арабские судьи шутить не любили. Чуть что — назначали наказание палками. А уж наши люди переиначили заморское выражение по-своему.

Но и арабские судьи, верившие в силу телесных наказаний, и суровый Сидор, вра-

зумлявший свою козу при помощи берёзовой хворостины, — это персонажи далёкого мрачного прошлого. Стоит ли о них вспоминать?

По-моему, не стоит.

САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ

Быть самым маленьким в семье — хорошо.

Маленьких все любят, на них смотрят с умилением, даже шалости легко сходят им с рук. За маленького все беспокоятся: ведь он ещё несмышлёныш, может уронить на себя лампу со стола, проглотить что-то вредное, потеряться на улице. Его кормят витаминами, регулярно измеряют рост и вес, внимательно следят за температурой, за состоянием уха, горла, носа, то и дело фотографируют и всем подряд показывает получившиеся снимки. На его примере старших учат быть заботливыми, терпели-

выми и ответственными: «Саша (Елисей, Прокоп, Фрол) ещё маленький, будьте с ним поосторожнее, присмотрите за ним во дворе».

Дело, наверное, в том, что при взгляде на малыша все вспоминают, как сами были маленькими, как их все любили, всё им прощали и как это было хорошо. Маленький, если хотите, является для всех центром вселенной, надеждой человечества, символом беззащитного хрупкого добра, которое общими силами нужно оберегать и растить.

И это правильно. Так и должно быть.

Но знаете, что противно, что обидно прямо-таки до слёз? А то, что в ту же самую минуту, когда в семье появляется следующий малыш, в одночасье, в один короткий миг, ничего не подозревающие Саша, Елисей, Прокоп и Фрол становятся для всех совершенно взрослыми. Им может быть всего пять лет, может быть даже три года, а им говорят: «Наташа (Василиса, Евдокия, Фёкла) — маленькая, а ты уже большой. Не шуми так, не дуди в дудку, не разбрасывай игрушки, не маши руками! Хватит притворяться, ты абсолютно здоров! И ешь поскорее, нечего размазывать по тарелке, нам не до тебя!» В центр вселенной тут же попадает совсем другой объект, кото-

рый права на это абсолютно ничем не заслужил. Все начинают без конца фотографировать бестолковую Наташку, похожую на глазастого пупса, а прежний всеобщий любимец грустит в сторонке и на снимок может попасть только тогда, когда сам незаметно для взрослых влезет в кадр.

Так вот про Рэда.

Рэда подобрали на стройке — вы уже слышали эту историю. Алёнка срезала дорогу, пошла через стройплощадку и на тропинке между бетонными блоками встретила его — крохотного и беззаботного. Кругом лязгали железом строительные машины, сновали туда-сюда вечно голодные рабочие, а он радовался и всем предлагал поиграть. Сердце Алёнки не выдержало, она поняла, что это наш кадр, и принесла его домой.

Все сразу полюбили Рэда, и он стал младшим в семье. Все с умилением смотрели, как он ест из блюдечка, подтирали за ним лужи, укладывали его спать в гнездышко из подушек, нянчились с ним, как с ребёнком, играли, без конца фотографировали — он был для всех тем центром вселенной, который нужно оберегать и пестовать.

Он рос озорником. Забравшись на табуретку, чутко следил за тем, что происходит на кухонной плите: правильно ли варит-

ся борщ, сколько мяса положили в котлеты, не подгорают ли сырники. В каждом портфеле, в каждой сумке или коробке, которую вы открыли, была его любопытная морда. Чинишь лампу, собираешься в дорогу, заклеиваешь велосипедную камеру — он тут как тут: принимает участие, проверяет, помогает. Ну и конечно, дружеские шутки и розыгрыши. Не успел отвернуться, как плоскогубцы куда-то уволокли, носки исчезли, а камеру кто-то пожевал, да ещё в трёх местах она прокушена.

Но даже когда Рэд вырос и стал молодым красивым псом, отважным и сильным,

для всех он по-прежнему оставался самым маленьким. Почему? Да потому, что собаки до конца жизни остаются в каком-то смысле похожими на детей — своей непосредственностью, искренностью, порывистостью, прямодушием...

До глубокой старости собака сохраняет способность по-детски радоваться простым вещам. Когда, например, морозно, солнечно, выпал первый снег и по этому снегу можно носиться взад-вперёд, валяться и зарываться в него носом, подпрыгивать и ловить на лету брошенные снежки. Или когда все собираются ехать куда-нибудь на машине: в парк, на дачу или в гости к бабушке с бабушкой. Собака всегда рада, когда кто-то пришёл домой. Если этот кто-то пришёл с сумками, источающими аппетитные ароматы, — собака рада вдвойне. Но если даже без сумок — всё равно рада. Потому что не во вкусах дело, ей-богу!

Собаки готовы играть в любое время дня и ночи. В мячик, в догонялки, в сердитого монстра и во всё что угодно. И это очень важно. Собаки любят приключения. Вы любите приключения? Или вам больше по душе компьютерные игры? А собаки любят только настоящие приключения. Собаки не умеют хитрить — все их хитрости вид-

ны как на ладони, их сразу выдаёт хвост. А ещё собаки видят смысл своей жизни исключительно в дружбе. Кроме дружбы, если задуматься, в их жизни ничего, собственно, и нет.

Короче, Рэд, как всякая собака, мог бы вечно, всю свою жизнь оставаться самым маленьким в семье. Но в один прекрасный день мама с папой принесли из родильного дома маленького Васька. И в тот же самый миг именно Васёк стал самым маленьким, а Рэд сразу стал большим.

И с этого дня в жизни Рэда многое, очень многое переменилось. Но это уже совсем-совсем другая история.

О НАШИХ ОБИДАХ

Бабушка вышла на крыльцо и сказала:
— Сегодня к нам в гости опять привезут Вовку.

— Ур-ра! — закричал маленький Васёк. — Вован прикольный! С ним весело!

Бабушка внимательно посмотрел на Васька поверх очков. Васёк маленький и глупый. За ним нужен глаз да глаз.

— А я Вована терпеть не могу! — сказала Алёнка. — Каждый раз он придумывает какую-то глупость!

Бабушка перевела глаза на Алёнку. Алёнка уже большая. Алёнка ходит в школу и понимает, что к чему.

Летом, пока у мамы с папой не наступит отпуск, Васёк и Алёнка живут на даче с бабушкой. Ну то есть они всю неделю живут с бабушкой, а в пятницу вечером приезжают родители, и в выходные на даче собирается вся семья.

Рэд очень любит бабушку. Потому что она добрая, не командует и всё время готовит что-нибудь вкусное.

— Дело совсем не в Вовке, — заметила бабушка. — Мало ли какие Вовки живут на свете.

— А в ком же дело? — удивилась Алёнка.

— Дело в вас самих... — сказала бабушка и, ничего больше не объяснив, ушла на кухню.

«И я Вована не люблю! Вован — злой!» — хотел сказать Рэд. Но не сказал. Потому что только в сказках собаки умеют говорить на человеческом языке.

После обеда приехал Вовка. Упитанный, конопатый. Физиономия хитрая-хитрая. Глаза вредные-вредные.

— Ну, что мы будет делать? — огляделся вокруг Вовка.

— Да! — заранее обрадовался Васёк. — Что мы будем делать?

Вовка ненадолго задумался.

— Давайте так, — сказал он. — Протянем через улицу незаметную верёвку. Кто-нибудь пойдёт, зацепится ногой и упадёт. Вот будет умора!

— Ха-ха! Будет умора! — подхватил маленький Васёк. — Зацепится и упадёт!

— Чего же тут смешного? — удивилась Алёнка. — Человек споткнётся, упадёт и разобьёт колени. А если это будет старенькая бабушка?

Вовка пожал плечами и опять задумался.

— Тогда давайте в пустую коробку из-под торта посадим жабу и выставим у калитки. Кто-то подумает, что это торт, откроет коробку, жаба на него прыг — испугает до смерти! Вот смеху-то будет!

— Ха-ха! Жаба — прыг! — подхватил Васёк. — Вот смеху-то!

Васёк и так не очень умный, потому что маленький. А когда приезжает Вовка — он становится просто дурачком.

— У нас нет никакой коробки, — строго сказала Алёнка. — И вообще, это совсем не смешно.

— Тогда давайте вашего Рэда в космонавты готовить. Посадим его в ведро и будем крутить, как в центрифуге!

Вовка поднял руку и начал быстро-быстро крутить его, как колесом ветряной мельницы.

— Точно! Ура! Нашего Рэда — в космонавты! — заорал Васёк.

— Ты что, Васёк, совсем рехнулся? Зачем нашего Рэда крутить в центрифуге? Ему же там плохо станет! В прошлый раз вы делали из него обезьяну, учили по деревьям лазать — и чем это кончилось?

— Рэд — мой пёс! Что захочу, то с ним и сделаю!

— Совсем и не твой! Рэд общий! Мы все его любим!

— Нет, мой! Рэд, ты где? А ну иди сюда!

— Вон, вон он, под скамейкой прячется! — подсказывал коварный Вовка. — Лови его, окружай!

Рэд не стал дожидаться, пока из него сделают космонавта, выскочил из своего укрытия, метнулся за баню, протиснулся в дырку под забором и убежал в лес.

Рэд бежал до тех пор, пока посёлок не скрылся из вида и даже шума его не стало слышно. Он запыхался и устал. Это гончая может бежать километр за километром. А домашняя собака — нет. Рэд остановился на маленькой полянке посреди густого незнакомого леса.

Начал накрапывать дождь, и Рэд решил спрятаться под деревом. Дерево было большое и старое, корни вылезли из земли так, будто под землёй им было тесно. Рэд заметил широкий лаз под самым толстым корнем и забрался внутрь.

«Эх, Васёк, Васёк! — думал он, укладываясь и пристраивая голову на лапы. — А ведь я тебя так любил! Ходил за тобой повсюду. Скучал, когда тебя не было рядом. Позволял тебе таскать меня за хвост, кататься верхом и надевать мне на голову детские чепчики. А помнишь шипящего гуся, который так тебя напугал? Мне и самому было страшно, но я залаял на гуся и прогнал его прочь! А ты... Предатель! Предатель!»

В норе было совсем-совсем неудобно — сыро, холодно и пахло прелыми листьями.

«Ну и пусть! — подумал Рэд. — Вот заболеем и умру...»

Дождь между тем шёл всё сильнее и сильнее.

Знаете, как тяжело на душе, когда тебя предал лучший друг? Друг, ради которого, собственно, ты и живёшь на свете. Как то-скливо и одиноко в такие минуты! Каким неприглядным кажется окружающий мир!

Рэд закрыл глаза и сам не заметил, как уснул.

Проснулся Рэд оттого, что кто-то рядом с ним негромко кашлянул. Рэд открыл

глаза и увидел охотника, который сидел на пеньке и строгал ножичком берёзовую ветку.

Впрочем, это был не совсем обычный охотник. На нём, как на охотнике, были высокие сапоги, непромокаемая куртка защитного цвета и шляпа с пёрышком тетерева. Но ружья у него не было, а вместо ружья на ремне висела фотокамера с длинным-предлинным объективом.

Дождь только что закончился. На листьях всё ещё дрожали сверкающие водяные капли.

— А я сижу и думаю: кто это забрался в лисью нору? — проговорил охотник, заметив, что Рэд открыл глаза. — На лису ты не похож... И на кабана не похож... Может, ты маленький медведь?

Мужчина шутил, и шутки у него были необходимые. Рэд сразу почувствовал к нему доверие.

Но на всякий случай насупился. «Какой же я медведь? Разве медведи такие?» — хотел сказать он. Но не сказал. Потому что только в сказках собаки умеют говорить на человеческом языке.

— Вижу, вижу: ты не медведь, — улыбнулся мужчина. — Ты чей-то пёс, который убежал из дома. Верно?

Рэд вздохнул и отвернулся. «Был чей-то, — хотел сказать он. — А теперь ничей!»

— Постой-ка... — прищурился охотник. — А ты, случайно, не Рэд? Я видел на дороге, ребяташки бегают взад-вперёд и кричат: «Рэд! Рэд!»

Услышав своё имя, пёс встрепенулся: «Правда? Бегают? И зовут? А впрочем, всё равно... Мне теперь всё равно...»

Движение его ушей не укрылось от внимательных глаз охотника.

— Всё ясно, Рэд. Дети ищут тебя. Мальчик и девочка, похожие друг на друга. И ещё мальчишка — лицо хитрое-хитрое, глаза вредные-вредные...

«Вован, — догадался Рэд. — Тот самый Вован, с которого всё началось!»

Пёс опять тяжело вздохнул, отвернулся

и положил голову на лапы — носом в угол норы.

— Понимаю...— проговорил охотник. — Отлично понимаю. Тебя обидели. И ты от них убежал... И теперь ты лежишь здесь и думаешь, как бы поскорее замёрзнуть, заболеть и умереть им всем назло...

Не поворачивая головы, Рэд скосил глаза на охотника, так что брови пса поднялись печальным домиком. «А что остаётся делать? Что ещё может сделать собака, которая никому, никому на свете не нужна?» — хотел сказать он, но, разумеется, не сказал.

Вид у пса был такой несчастный, что мужчина невольно улыбнулся. Но поскорее стёр улыбку с лица, покачал головой и полез в карман за сигаретами.

— Знаешь, может, кто-то другой и осудил бы тебя... — сказал он. — А я понимаю. Отлично понимаю... Я и сам такой. Если обижусь на кого — ни есть, ни спать не могу, так переживаю.

Рэд перевёл несчастные глаза обратно в угол, отчего брови его стали на место.

— Но умирать, брат, совершенно ни к чему. Зачем доставлять нашим обидчикам такое удовольствие? — спросил охотник.

Посмотрел на собаку и подмигнул.

Потом вспомнил о чём-то и хлопнул себя по забывчивому лбу.

— Стой, брат. У меня же есть бутерброд с колбасой! Всё говорим, говорим.... А пора уже чуточку подкрепиться. Ну, вылезай, хватит там сидеть.

Честно говоря, Рэд собирался просидеть в норе всю оставшуюся жизнь. Но колбаса на бутерброде... Она пахла так заманчиво... Это была именно та колбаса, которую Рэд любил больше всего на свете.

Он выбрался из лисьей норы, отряхнулся и уселся на землю рядом с охотником.

Охотник разломил бутерброд на части и разложил на пеньке — чтобы Рэду было удобно есть.

Рэду очень хотелось слизнуть все куски сразу, но он сделал над собой усилие и ел не торопясь, тщательно пережёвывая кусок за куском. Ел всё подряд, а не слизывал колбасу с хлеба, как ему очень хотелось сделать.

Охотник вдруг задумался. Только ножичек машинально строгал веточку: вжик... вжик... вжик...

— Вот и получается, что в итоге всех надо простить. Обязательно надо... Иначе потом жить нельзя. Но иногда, брат, оказывается, что простить — это самое трудное в жизни.

Человек задумался, и его весёлые глаза вдруг стали серьёзными и даже грустными.

— Ведь всё просто, пока просто... А жизнь иногда такое закрутит... Представь, живут себе два человека — друзья не разлей вода или мужчина и женщина. Долго живут, скажем, пятнадцать лет. А потом один из них оступается и совершает по отношению к другому неправильный поступок. Потому что, как говорится, бес попутал. И что прикажешь делать? Всю жизнь таить обиду и мстить? Или в конце концов простить — ради тех лет, когда вы были не разлей вода?

Мужчина вопросительно заглянул в глаза собаке — как будто в самом деле искал в них ответ на свой вопрос.

— Или ещё хуже, — продолжал он. — Живут рядом два народа — год за годом, век за веком. А потом между ними случается война. Не из-за чего-то, просто потому, что вожди поссорились. И в этой войне гибнет много хороших молодых людей — и с одной и с другой стороны. И здесь уже не просто обида — здесь горе и беда. Слезы матерей и отчаяние невест. И как этим народам дальше жить друг возле друга? А?

Рэд изо всех сил старался понять, о чём говорит охотник. Он даже голову скло-

нил набок, чтобы лучше разбирать слова, но, честно говоря, так ни одного и не понял.

Охотник помолчал, глядя куда-то перед собой, потом, спохватившись, оглядел сосредоточенную собачью морду, сморщенный в усилии лоб и рассмеялся.

Заметил взгляд, направленный на последний кусок колбасы.

Человек смеялся и смеялся — с каждым мгновением всё легче и веселее.

— Прости, брат, и не обижайся! — сквозь смех проговорил он. — Это я не над тобой смеюсь, а над собой. Нашёл кому жаловаться с куском колбасы в руках...

Охотник достал из пачки сигарету, но не закурил. А лишь покрутил её в пальцах, зачем-то подержал возле носа и сунул вместе с пачкой обратно в карман.

— А знаешь что? Давай мы всех твоих обидчиков в землю живьём закопаем! Да-да. Выкопаем яму побольше и всех их туда побросаем. — Рэд удивлённо покосился на охотника. А тот продолжал: — Или свяжем за руки за ноги и утопим в пруду. Не на самом деле, конечно... А так, мысленно, понарошку. А что? Я всегда так делаю с теми, кто меня обидел...

Рэд повернул ухо так, чтобы лучше слышать и не пропустить ни одного слова.

— Или представляю, что отправил плохих людей на остров к дикарям-людоедам. Дикари на острове злые и голодные. Они ловят тех, кто меня обидел, рвут на части и съедают. А самого вредного насаживают на вертел, обмазывают сметаной и вешают над костром. Он орёт и просит пощады, а его жарят до хрустящей корочки и на подносе несут вождю племени на обед.

Рэд слушал очень старательно, но понял не очень много. Какой костёр, до какой корочки? Он понял главное: человек говорит не только для него, но и для себя.

— Я как представляю это в картинках, так понимаю: нет, костёр, пожалуй, слишком. Не надо никого жарить. Посажу-ка я лучше всех плохих людей в клетку и выставлю в зоопарке, среди обезьян. Пусть люди смотрят. И я буду приходить по воскресеньям, строить через прутья рожи и показывать язык. Бросать в них отрывками яблок и банановой кожурой. А самого вредного тыкать палкой в бок... Чтобы знал, как вредничать!

Охотник улыбнулся. И погрозил кому-то невидимому кулаком.

— А потом, — проговорил он, — потом подумаю ещё и чувствую: а ну их всех! Начнёшь сажать в клетки и станешь таким

же, как они... Нужно просто сказать: «Дураки вы все, и уши у вас холодные!» Пусть живут и помнят мою доброту. Как тебе такой вариант, а?

Если бы собаки умели улыбаться, Рэд обязательно бы улыбнулся. Но собаки, к сожалению, улыбаться не умеют. Поэтому он махнул хвостом — туда-сюда.

Когда они всё съели, охотник поднялся:
— Ну, мне пора.

Рэд почувствовал, что ему очень не хочется, чтобы охотник уходил. Он жалобно посмотрел на человека и тоже встал на ноги.

— Можешь проводить меня немного, — сказал охотник. — Чуть-чуть. До автобуса...

И они зашагали по едва приметной тропинке — мужчина широкими шагами впереди, собака, семена, сзади.

Они шли, и навстречу им попадалось много-много интересного.

Ястреб, который застыл в воздухе, расправив крылья. И мышонок, который пугливо прятался от ястреба в траве.

Птичка, которая притворялась больной, чтобы отвести их подальше от гнезда с птенцами.

Стайка храбрых трясогузок отгоняла от гнёзд большую неповоротливую ворону. Ворона хотела полакомиться яйцами и думала, что это сделать легко, но не тут-то было. Она была в десять раз больше каждой из трясогузок. Но трясогузки действовали сообща, налетали с разных сторон и клевали наглую ворону. И той ничего не оставалось, как, отбрюхиваясь, убираться восвояси.

И Рэду было так хорошо бежать за этим охотником — спокойным, уверенным, сильным. Подстраиваться под его шаги — лёгкие, твёрдые, размеренные. Пытаться угадать, что у него на душе и о чём он думает.

И всё же, всё же... Чем дальше они шли, тем грустнее и тревожнее становилось у Рэда на душе. Паршиво у него на душе становилось, честно говоря.

Наконец охотник остановился на развилке двух дорожек.

— Ну вот, — сказал он. — Там, за деревьями — шоссе и автобус. Мне туда. Дальше провожать меня не нужно.

Рэд сел, опустив уши.

— Если хочешь, пойдём со мной, — предложил охотник. — Я к тебе уже привыкся... Думаю, мы быстро подружим-

ся. Будем ездить вместе в лес, охотиться с фотоаппаратом на птичек... Я буду кормить тебя вкусной колбаской...

Рэд грустно вздохнул и отвернулся. Он бы с радостью, конечно, но...

Охотник всё понял без слов.

— Ну и правильно! — одобрил он. — Нельзя бросать старых друзей, даже когда они не правы. Ведь друзья — это друзья. Только дураки считают, что можно бросить старых друзей и тут же завести новых. Верно?

Рэд ничего не ответил. И немудрено — ведь собаки не умеют говорить на человеческом языке.

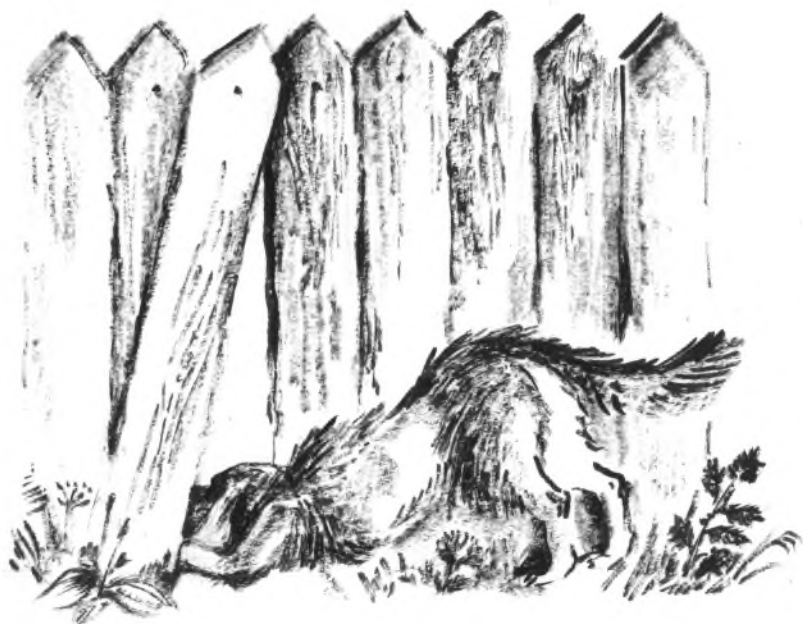
— Да если бы все убегали из дома, когда их обидают, все дома пустыми бы стояли! — сказал охотник.

Он присел на корточки и потрепал Рэда по голове:

— Ну, брат, прощай! Мне пора. А тебе — по этой дорожке. Она ведёт прямо к вашему посёлку.

И охотник зашагал между деревьев, к шоссе.

А Рэд побежал в противоположную сторону. Побежал по дорожке, лесом, вдоль ручья и через некоторое время выбежал к знакомому забору.

Он отыскал под забором дыру, пролез внутрь, обогнул баню и забрался под садовую скамейку, из-под которой убежал три часа назад.

День клонился к закату. Солнце уже почти касалось верхушек деревьев и крыш самых высоких домов.

Рэд вздохнул: дома всё-таки лучше, как ни крути.

В сад вышла бабушка. Она беспокойно посмотрела на солнце, покачала головой и тут заметила лежащего под скамейкой Рэда.

— Рэд! Ты вернулся! — обрадовалась она. — А ребята тебя ищут! Ходят вокруг посёлка и зовут: «Рэд, Рэд, Рэд!»

Пёс услышал своё имя и отвернулся. Бабушка присела на скамейку, нагнулась и погладила пса по голове.

— Ну и молодец, что вернулся! — сказала она. — Что с них, дураков, взять... Помучил их немного, выдержал характер — можно и домой.

Тыльной стороной ладони она потрогала собачий нос. Если нос у собаки холодный — значит, всё в порядке.

— Проголодался небось? Печёнки хочешь? Свежая! Я только что нажарила. Пойдём?

Рэду очень хотелось печёнки, но... Но он сглотнул слюну и отвернулся.

— Ну как знаешь... — сказала бабушка и ушла в дом. А Рэд остался.

Так он и лежал, наблюдая за тем, как в саду постепенно сгущались сумерки.

А потом... потом из-за забора слышался треск кустов и детские голоса:

— Это всё ты, Васёк! Кто сказал: «Моя собака — что хочу, то и делаю»? — сердито говорил девчоночий голос. А потом голос кричал в сторону леса: — Рэд! Рэд!

«Алёнка... — догадался пёс. — Жалко Алёнку. Она ведь вообще ни в чём не виновата...»

— Это не я! Это Вовка! Это он предложил его в космонавты готовить! — всхлипывая, оправдывался другой голос, мальчишеский. И тоже звал: — Рэд! Рэд!

«Васёк... — догадался пёс. И глаза его повлажнели. — А Васёк-то плачет...»

Третий голос тоже всхлипывал:

— А я что? Я ничего! Я и сам люблю собак! Я ведь хотел, чтоб веселее было! Рэд! Рэд!

Рэду очень хотелось выбраться из-под скамейки и со всех ног бежать к детям, но он сдержал себя.

— Не отвечает. Никто не отвечает... — всхлипнула Алёнка. И сказала, пугая брата: — Наверное, его уже нет в живых. Наверное, его уже волки съели...

— Какие ещё волки? Кого съели? — Васёк крепился некоторое время, потом не выдержал и заревел: — А-а-а-а...

— Ну откуда здесь волки? — срывающимся голосом проговорил Вовка. — Здесь до города двадцать километров, здесь волков не может быть. Вот капкан — может быть. Рэд, скорее всего, в капкан попал...

— В какой ещё капкан? — спросила Алёнка. Голос её дрожал.

— Обыкновенный. На лису или на зайца. Сидит там, лапку зажало, он и выбраться не может.

— Как это лапку? Как это зажало? — испугалась Алёнка. И тоже не выдержала: — А-а-а-а-а...

— Ну что вы всё ревете? — сердито сказал Вовка. — Я, между прочим, и сам... Всё прошу, прошу родителей купить мне собаку... А они...

— Зачем тебе собака? — сквозь рыдания спросила Алёнка. — Чтобы в космос её запустить?

— Не чтобы в космос... А чтобы любить... И чтобы она меня... это... любила... А-а-а-а-а...

Этого Рэд уже не мог выдержать.

Он выбрался из-под скамейки, метнулся за баню, опять пролез под забором и бросился к ребятам.

Что было дальше, вы и сами можете представить.

Как радовались дети, как поднимали Рэда на руки, как вырывали друг у друга.

А уж как приятно было Рэду снова почувствовать себя среди друзей, снова понять, что он любим!

Это так здорово — всем помириться.
Да и зачем ссориться?

А охотник трясся в пригородном автобусе, вспоминая собаку. И думал о том, что всё в жизни должно заканчиваться хорошо, обязательно хорошо, только хорошо.

Иначе и быть не может. Иначе незачем и на свете жить.

ЧЕГО НИКОГДА НЕ ДЕЛАЮТ СОБАКИ

Собаки никогда не сидят часами за завтраком, размазывая ложкой кашу по тарелке. Собаки знают: есть нужно быстро, не привередничать, а миску держать в чистоте. Тем более собаки не станут возиться с завтраком, в то время когда нужно хватать ноги в руки и сломя голову бежать в школу.

Когда звенит будильник, собаки не делают вид, будто не слышали звонка, и не пытаются поспать ещё немного, а потом ещё. Ну сколько тебе удастся жмурить глаза, до тех пор пока в спальню не вбежит рассерженная мама? Пять минут? Семь?

Разве это что-то изменит? Разве за это время выпишься? Уж лучше сразу вскочить самому и встречать новый день бодрым и энергичным — ведь каждый новый день сулит столько приключений и удач!

Идём дальше. Собаки никогда не станут рассматривать в интернете тыщу и одну фотографию со вчерашней школьной вечеринки, в то время как кто-то другой рядом вылакал три миски воды, очень хочет писать и ждёт не дожждётся, когда его выведут на улицу.

После прогулки они никогда не будут битый час держать друзей привязанными у входной двери только потому, что на улице грязно, им лень мыть друзьям лапы и они надеются, что грязь как-то сама собой высохнет и отвалится. И уж точно они не будут считать за прогулку две минуты у ближайшего дерева во дворе, потому что на улице плохая погода и им неохота по такой слякоти тащиться в парк.

Собаки никогда не слоняются в тоске по квартире, выдумывая разные дела, в то время как им нужно учить к завтрашнему дню стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «Я вас любил». А потом не усядутся перебирать сокровища в ящиках своего письменного стола, в то время как

книга со стихотворением Александра Сергеевича так и лежит на столе нераскрытой.

Собаки не висят часами на телефоне, пересказывая подружке вчерашнее кино. Они не крутятся перед зеркалом, примеряя мамины украшения. Когда у родителей гости, собаки не торчат со слипающимися глазами за столом, до полуночи слушая взрослые разговоры, которые их совсем-совсем не касаются. Они равнодушны к телевизору и не играют в компьютерные игры. И это, представьте, не делает их жизнь ни на йоту беднее!

Собаки никогда — слышите, никогда! — не станут на потеху подружкам наряжать друзей в разные дурацкие юбки, чепчики и тёмные очки, чтобы потом выложить прикольное фото на свою страничку в социальной сети. Они не станут запира́ть друзей в родительской спальне, чтобы те не мешались под ногами. Собаки не дают завиральных обещаний и не клянутся с понедельника начать новую жизнь. Они никогда не канючат, что именно сегодня не могут идти в школу, потому что вчера укололи иголкой палец и теперь им грозит газовая гангрена и ампутация всей верхней половины туловища...

Собаки всего этого никогда не делают!

Это то, что касается Алёнки. Теперь про Васька.

Собаки никогда не будут сидеть в одном-единственном ботинке под вешалкой в прихожей и до морковкина заговенья считать пуговицы на чужих пальто, в то время как давно пора хватать ноги в руки и бежать в детский сад.

Они не оставляют в тарелке мясо из супа только потому, что им лень жевать, или кусок курицы, к которому сбоку прилепились маленькая жилка или жирок. Подумаешь, проблема! Любая собака вам скажет: жирок и жилки делают мясо только вкуснее.

Собаки не хвастаются, будто они самые сильные и никого не боятся. И не закрывают глаза ладонями, когда в мультфильме появляется кровожадное чудище, угрожающее храбрым Ване и Серёже.

Собаки не пытаются кататься по паркету, ухватившись за чей-то хвост. Они никогда не дуют друзьям в уши — для того чтобы показать им, как свистит ветер. И не сваливают на собак, будто бы это они, собаки, разбросали игрушки ровным слоем по всей квартире.

Они не оставляют повсюду свой пластилин, который так противно липнет к лапам и путается в шерсти. И уж тем более им не придёт в голову лепить из пластилина

ветвистые рога, чтобы превратить ни в чём не повинного пса в оленя, запрячь его в старую коляску и играть в Санта-Клауса, который развозит рождественские подарки соседским детям.

Они не канючат, что именно сегодня не могут идти в детский сад, потому что вчера съели целую коробку зефира и теперь внутри у них всё-всё слиплось... И не выпрашивают ко дню рождения двадцатый по счёту набор лего. Собаки, честно говоря, вообще не знают, когда он, этот их день рождения.

И это обидно. Потому что день рождения — это лучший день в году для любого живого существа. День, когда все нас любят и хотят нам добра, балуют нас и говорят нам хорошие слова. И вообще, если бы не день рождения, мы, может быть, никогда не узнали бы, как относятся к нам те, кого мы любим.

Так получилось, что мы не знаем, когда день рождения Рэда. Его подобрали маленьким щенком, и рядом не было никого, кто мог бы сказать про день его рождения, а у него самого об этом не спросишь....

Но мы всё равно отмечаем его день — день, когда мы его нашли и он появился у нас дома. Когда он в первый раз попил молока из нашего блюдца и сделал первую

лужу на нашем паркете. Этот день для него в каком-то смысле ничуть не менее важен, чем день настоящего рождения. А уж для нас и подавно!

Наверное, он сильно удивляется, когда в одно прекрасное утро все вдруг начинают его тискать и тормошить, обнимать, целовать в нос, гладить и говорить ласковые слова, когда ему повязывают на шею нарядный шарфик и вместо обычного корма отваливают целую миску чудесной ароматной колбасы. А вечером все торжественно идут гулять с ним в парк. В глубине души Рэд, может быть, и недоумевает, отчего это все такие добрые, но вида, конечно, не подаёт.

Потому что, если бы кому-нибудь пришлось в голову спросить мнение собак, они бы однозначно сказали: каждый день нужно прожить так, будто у твоих близких — день рождения. Нужно радоваться им и ни в коем случае этого не скрывать. Нужно говорить им хорошие слова, хвалить их, обнимать и целовать в нос. Нужно угощать их только самым вкусным и гулять с ними столько, сколько они сами этого хотят.

И в этом смысле собаки правы. Однозначно! По крайней мере, я с ними в этом вопросе абсолютно согласен.

СУДЬБА РЭДА

А в конце лета у нас на даче, за забором, поселилась семья бездомных собак.

Как-то утром, вскоре после завтрака, Алёнка и Васёк заметили, что Рэд стоит у забора и настороженно к чему-то принюхивается. Наш участок — крайний в посёлке, от леса его отделяет высокий забор с маленькой калиткой посередине. Рэд стоял в метре от калитки и чутко принюхивался к чему-то через щель между досками.

Алёнка приоткрыла калитку, и дети обнаружили по ту сторону забора одиноко стоящего пса. Пёс был довольно крупный и, судя по всему, сильный. Лобастая голо-

ва, неглупые внимательные глаза. Правое ухо слегка надорвано сверху. Расцветка необычная: тёмно-рыжая шерсть как будто припорошена чёрным перцем.

Пёс стоял совсем один, и почему-то сразу было ясно: он ничей и пришёл сюда сам, без людей. В то же время он совсем не походил на бродячего пса: в нём не было обычной для бездомных собак пугливости или агрессивности, затравленности или истеричности. В нём чувствовались достоинство и сила. Он смотрел настороженно, но без страха, как будто пытался определить, чего ждать от выглянувших в калитку детей: будут ли они кричать, бросаться камнями и гнать его прочь или на них можно положиться и иметь с ними дело. Алёнка заметила у него на шее толстый кожаный ошейник...

Васёк держал в руках яблоко, от которого то и дело откусывал кусок, и пёс, заметив это, жадно сглотнул слюну. Вообще-то, большинство собак не очень любят яблоки, — поэтому дети поняли: пёс голодный и давно не ел.

Алёнка сбегала в дом и вынесла ему остатки утренней каши в кастрюльке. Мама всегда варит кашу с запасом, а дети кашу не любят, размазывают по тарелке, не доедают, и каша остаётся.

Пёс заглянул в поставленную перед ним кастрюльку, ещё раз жадно сглотнул, но к каше не притронулся, а, наоборот, отступил в сторону и оглянулся на ближайшие заросли орешника. Из зарослей, будто по команде, вышли одна за другой две самки, — одна покрупнее и постарше, крапчатого охотничьего окраса, и другая, совсем молодая, чёрная, гибкая, — а следом трое щенят.

Самки остановились рядом с псом, а щенята сразу же обступили кастрюльку и набросились на кашу. Видимо, лобастый пёс был вожаком этой маленькой стаи.

Остатков утренней каши и одной-то голодной собаке было бы недостаточно, а тут целая семья! Алёнка сбегала на кухню ещё раз и, благо мамы не было дома, налила в большую миску супа, приготовленного к обеду, покрошила туда хлеба, несколько котлет и вынесла всё это новым знакомым.

Пока собаки ели, дети смогли их как следует рассмотреть.

С первого взгляда было понятно, что все щенки были братьями и сёстрами: ели они дружно и деловито, выбирать куски и привередничать никому в голову не приходило. Их мамой была, судя по всему, самка постарше, крапчатая: как и всякая многодетная мать, она была истощена, издёргана

утомлена. Ела она торопливо и жадно — ей нужно было восстанавливать потраченные на щенков силы. Вторая, чёрная, была заметно моложе и грациозней, в ней угадывалась аристократическая кровь, и даже ела она как-то изысканно — деликатно, опрятно и сдержанно. Меньше всех налегал на еду вожак, он то и дело останавливался и смотрел на людей, предоставляя самкам возможность выбирать куски получше.

Рэд, что удивительно, не бросился сразу знакомиться с незваными гостями и приглашать их в друзья. Он даже не вышел

за забор, а только стоял в проёме калитки, смотрел на них и тянул, тянул носом незнакомый, лесной, диковатый запах.

Расправившись с кашей и повеселев, молодняк принялся было возиться и озоровать: толкаться, бороться, кусать друг друга за лапы и хвосты — но вожак, решив, что его семейство получило уже достаточно и ждать чего-то ещё не стоит, посмотрел пристально в глаза Алёнке, махнул хвостом и, развернувшись, увёл своё семейство обратно в лес.

— Что ж, покормили — и хорошо, — сказала мама, вернувшись из магазина и выслушав рассказ про собак. А потом озадаченно заглянула в опустевшие кастрюли. — Вот только что мы теперь будем есть на обед?

— Подумаешь! — беспечно отозвалась Алёнка. — Сделаем яичницу с колбасой. Ещё и вкуснее будет, чем суп.

Мама покачала головой. Яичница кому-то, может быть, и нравится больше, но суп всё равно есть надо, потому что он полезный.

— А по-моему, вы напрасно это делаете! — заметила через забор соседка Софья Николаевна. — Нельзя прикармливать бродячих собак.

— Почему это нельзя? — спросила Алёнка.

— Потому что они придут опять. А потом опять. А потом и вообще поселятся тут и других бродячих собак с собой приведут! И будет у нас за забором жить свора диких, голодных, неуправляемых собак!

К бродячим бесхозным собакам отношение у людей предвзятое, зачастую просто враждебное. Даже те, кто любит собак и сочувствует их судьбе, редко хотят, чтобы одичавшие собаки жили рядом. Это понятно: люди боятся за себя и за своих детей.

С одной стороны, бездомные собаки — это проблема. Они могут быть опасны — мало ли что у них на уме? Пойдут, скажем, дети в лес, за грибами или строить шалаш, а им встретится свора голодных обзлётых собак. Плохо? Конечно! К тому же такие собаки являются разносчиками разных болезней, опасных для домашних животных и для самого человека.

Но с другой стороны... все эти бесхозные собаки... По крайней мере, большинство из них... Когда-то у них тоже были хозяева. Собаки жили в семьях или на дачах, охраняли дома, играли с детьми, были своим хозяевам друзьями и помощниками. А потом почему-то стали хозяевам не нужны... И оказались на улице... Или в лесу...

— Я понимаю, вы добрые дети, — продолжала Софья Николаевна. — Но подумайте сами: собаки привыкнут, начнут на вас надеяться. А в сентябре вы уедете в город... А они останутся. Что с ними будет? Вы же не сможете взять всю эту ораву в город!

Может быть, и права Софья Николаевна, но...

— И что же теперь прикажете делать? — сердито спросила Алёнка. — Смотреть, как они и их маленькие щенки погибают с голода?

— Алёна! — предостерегающе сказала мама. Напоминая, что разговаривать со взрослыми нужно вежливо, даже если они не совсем правы.

— Нет, конечно, — покраснела Софья Николаевна. — Я против того, чтобы маленькие щенки умирали с голоду!

— Вот видите!

— Алёна! — опять напомнила мама.

Она тем временем думала о другом.

— А если, как вы говорите, они придут опять...

— Да?

— Чем мы их будем кормить?

— Придумаем что-нибудь! — беспечно сказала Алёнка. — У нас там ещё курица есть в холодильнике... И компот!

— Ну уж нет! Курицу я им не дам, — решительно заявила мама. — Не питаться же нам одной яичницей!

— У меня потроха остались от индюка... — смутилась Софья Николаевна.

— Вот и хорошо. Сварю для них кашу с потрохами. Съедят за милую душу! Только нужно достать с антресолей кастрюлю побольше...

* * *

И собаки стали приходить, каждый день, точнее, каждое утро. И каждый вечер мама варила большую кастрюлю каши: то с потрохами, то с обрезками, то на курином бульоне. Собаки ничего не просили и тем более не требовали, они просто приходили и ждали, пока дети вынесут им еду в двух мисках: в одной, поменьше, для молодняка, в другой, побольше, для взрослых.

— Странно, — поделилась мама, когда в выходные приехал из города папа. — Они даже в калитку ни разу не заглянули... Поедят, постоят несколько минут, будто для приличия, и уходят обратно в лес.

— Очень осторожны, — отозвался папа.

— Очень! Собственно, это вожак осторожен. Он у них всё решает.

— Научен горьким опытом... — печально заметил папа.

Мама вопросительно посмотрела ему в лицо. И помрачнела. Можно себе представить, что это за горький опыт...

— Где же они там живут, в лесу? — спросила мама.

— В чьей-нибудь норе. Или в заброшенной землянке...

— С малышами? В норе?

— А что делать? Если повезло, нашли какой-нибудь старый армейский блиндаж...

* * *

Нужно сказать, что Рэд поначалу настороженно отнёсся к непрошеным гостям.

Нет, он не ревновал нас к ним, не пытался обозначить, что он, мол, свой, а они — пришлые. Не жалел он и еды, которая им доставалась. Но на сближение с ними никак не шёл. Нет, не боялся, это не в его привычках, но и не пытался познакомиться поближе. И смотрел на них, как правило, издали, из калитки, принохиваясь к их дикому, лесному, тревожному запаху.

Но ещё более странным казалось то, что и гости не пытались изменить наши отношения, войти в доверие, стать нашими друзьями. Собаки в их положении обычно быва-

ют подчёркнуто общительны и приветливы, иногда даже навязчивы. Они торопятся заручиться благосклонностью человека, быть хоть чем-то полезными, поскорее завязать с ним дружбу — это естественно, их трудно за это осуждать.

А наши новые знакомые — нет. Они приходили каждый день примерно в одно и то же время, съедали вынесенную им еду — молодняк из своей миски, жадно, старшие из своей, как могли, сдержанно — и опять уходили в лес. То есть малыши, может быть, и остались бы поиграть, но вожак, как только миски оказывались вычищены и вылизаны, оглядывал пустые руки людей, вздыхал и решительно уводил свою маленькую стаю обратно в заросли.

— И всё-таки это странно... — говорила мама. — Они ни разу даже не попытались остаться...

— Мне кажется, вожак не планирует задерживаться в наших местах надолго, — ответил папа.

— Почему?

— Не знаю. Может, понимает, что зиму им здесь не пережить. А может, знает места получше... Видела, какой на нём ошейник? Толстый, кожаный, с буквами «ОРБ» на металлической накладке.

— И что?

— Значит, ещё недавно он был чьим-то, жил с хозяевами, о нём заботились. А потом... Потом что-то случилось...

— Что?

— Не знаю. Но мне кажется, он помнит свой дом и не хочет привязываться ни к каким другим местам.

Мама в сомнении покачала головой. Во-
жак, конечно, очень умён, но он всего лишь собака. А даже самые умные собаки — это всё-таки не люди.

— Если помнит, то почему не уходит туда, к своим?

— Молодняк, — пояснил папа. — Может, его дом неблизко, а щенки ещё совсем маленькие. Вот он и ждёт, пока они подрастут и наберутся сил.

Так это или не так, проверить было невозможно. Оставалось только делать своё дело и ждать.

* * *

Постепенно за каждым из наших новых знакомых закрепилось имя. Вожака мы, естественно, так и стали называть Вожаком, многодетную маму — Мамочкой. Молодая красивая собака чёрного окраса с лёгкой руки Алёнки получила прозвище

Шакира. А щенки, все вместе, так и остались щенками, малышами или молодняком.

День шёл за днём, и время постепенно брало своё: настороженность, которая поначалу существовала между лесными жителями и Рэдом, шаг за шагом исчезала. Рэд как будто даже стал скучать без них, ждать их появления... Когда они приходили, он заметно оживлялся и веселел: о том, что они вышли из леса, мы узнавали по тому, как Рэд застывал у забора, возбуждённо помахивая хвостом. Он в нетерпении ждал, пока откроют калитку, и выходил с детьми к лесу, чтобы поздороваться с гостями так, как это делают собаки. Пока гости ели, он стоял в сторонке, сочувствуя их аппетиту, но не покушаясь на их еду. Когда миски пустели, подходил снова... Рэд и наши гости никогда не бегали вместе и не играли, как домашние собаки, — лесные жители были слишком серьёзны и озабочены. Но определённое доверие и симпатия между ними появились.

А вот щенки Рэда полюбили. И в те короткие минуты, когда миски уже оказывались вылизаны до блеска, а Вожак ещё не разворачивался, чтобы уйти в лес, они лезли к Рэду, напрыгивали на него, как на приятеля, кусали за лапы, ловили зубами кончик его хвоста... Рэду, может быть,

и не нравилась такая фамильярность, но он её снисходительно сносил, не огрызался, даже подыгрывал им. Как будто понимал: дети есть дети, и, как бы ни сложилась жизнь, детство должно быть у каждого.

— Какой он у нас, оказывается, семьянин... — глядя на них, удивилась мама.

— Семьянин. Ещё какой! — согласился папа.

— И кто бы мог подумать, что Рэду так понравится возиться со щенками...

Папа как-то странно на маму посмотрел.

— Ты думаешь, дело в щенках? — спросил он.

— А в чём же ещё?

Папа помедлил.

— Мне кажется, ему нравится Шакира...

— Шакира?

Все стали повнимательнее приглядываться к Шакире и Рэду и согласились: папа прав. Более того, в ближайшие дни Алёнка пару раз видела, как Шакира выбегала из леса одна, они с Рэдом принимались друг к другу с разных сторон забора и приветливо помахивали хвостами.

— А что? — сказала мама. — Я его понимаю. Шакира мне и самой нравится.

— И мне нравится, — отозвался папа.

— И мне, — поддержала Алёнка.

— Так в чём же дело? — подытожила мама. — Значит, всё хорошо!

— Ну не знаю... — Папа почему-то покачал головой. — Не знаю...

Неужели он с самого начала догадывался, чем всё это закончится?

* * *

А в самом конце лета, накануне отъезда с дачи, в предпоследний день перед сентябрём, школой и детским садом, Рэд исчез.

Поначалу никто даже не спохватился — не всё же время ему вертеться под ногами, мало ли у собаки дел на даче!

Ночью он спал на веранде, утром, как обычно, вышел через отворённые двери в сад... Целый день вся семья занималась приготовлениями к отъезду, последними де-

лами по хозяйству, и только к обеду мама спохватилась:

— А где у нас Рэд? Что-то давно я его не видела!

Оказалось, что и никто не видел и не слышал его с самого утра. Даже еда в миске, выставленная для него на крыльцо после людского завтрака, осталась нетронутой.

Но и тогда ещё никто особо не встревожился. Такое случалось: Рэд и раньше исчезал на полдня и даже больше. В посёлке он — личность известная, соседи его любят и охотно зовут в гости. Может, у кого-то из них разгружали дрова, играли в волейбол или устроили детский праздник — такие события никак не обошлись бы без Рэда, без него ничего путного ни у кого из соседей получиться не могло.

Когда Рэд не появился и к ужину, мама пошла по посёлку и стала расспрашивать, не видел ли кто нашего пса и не загостился ли он у кого-то до позднего вечера. Рэда никто не видел, и он ни к кому не заходил. Алёнке пришло в голову пройтись вдоль забора, и в углу, за поленницей, она обнаружила свежепрорытый лаз, напрямик ведущий в лес.

Нужно сказать, что Рэд никогда не пытался подкопаться под забор. А тут взял и вырыл целый лаз...

Дело принимало серьёзный оборот.

Приехал из города папа, и, когда уже стемнело, они с мамой целый час ходили по опушке леса, светили в чашу фонарём и звали: «Рэд, Рэд!»

Никто не отозвался и не вышел.

— Ладно, пойдём спать, — сказал папа. — Сегодня ему, похоже, не до нас...

— Почему?

Папа молчал.

— Думаешь, Шакира? — догадалась мама.

— Думаю, да.

Мама покачала головой.

— Ну что за безобразие! — воскликнула она. — Он же знает, что нам завтра уезжать!

Папа развёл руками: что поделаешь, иногда чувства оказываются сильнее разума, сильнее долга.

— Пойдём спать, — повторил он. — Утро вечера мудренее. К утру он наверняка проголодается, и тогда...

— Давай хотя бы оставим на ночь калитку открытой, — предложила мама.

Папа пожал плечами: какой смысл оставлять калитку, если Рэд прорыл для себя лаз. Впрочем, в темноте небольшой лаз можно и не найти.

— Давай оставим... — согласился папа.

Но и к утру Рэд не появился.

Его опять покричали от калитки, но безрезультатно. Мама купила в магазине самой ароматной колбасы, нарезала её в миску и выставила к калитке: чтобы и соблазнительный запах тоже звал Рэда домой... Но и тогда ещё ни у кого не было ощущения беды. Все занимались сборами, вспоминали то про одно, то про другое — всё, что оставалось на зиму на даче, нужно было убрать в дом или в сарай.

Ощущение беды пришло позже, уже в середине дня.

— Ну всё, — сказал папа, когда обед подходил к концу. — Пора ехать... Нужно как следует отмыться после дачи, собрать учебники, тетради...

— Как ехать? А Рэд? — не поняла Алёнка.

И без того невесёлые, родители ещё больше помрачнели.

— Рэд скоро прибежит обратно, а нас нет? — удивилась Алёнка.

Васёк хлюпнул носом.

Мама покачала головой:

— Если б хотел, он бы уже давно вернулся...

— А может, он увлёкся, забежал слишком далеко, ищет дорогу обратно и никак не может найти?

А что? Такое запросто могло быть.

— Или попал лапой в капкан, слышит нас, но не может выбраться?

Это было ещё хуже. Впрочем, капканы ставят в большом лесу и на диких зверей. Откуда в нашем лесу капканы?

— А вдруг он вернётся, не найдёт нас и вздумает бежать по нашему следу в город? — продолжала Алёнка. — По дороге, потом по шоссе... Представляете, что из этого получится?!

Это был очень плохой вариант. Об этом даже думать не хотелось.

— Короче, я останусь и никуда не поеду, — дрожащим голосом заявила Алёнка.

— И я не поеду! — поддержала её Васёк.

— И всё-таки придётся ехать, — возразил папа. — Завтра первое сентября. Нужно идти в школу и в детский сад. И нам с мамой на работу. В конце концов, мы не навсегда уезжаем, только до следующих выходных. Через три дня приедем.

Легко сказать — через три дня! Как эти три дня собака должна жить на даче одна?

— Я вообще не понимаю, что случилось! — воскликнула Алёнка. — Почему он убежал? Почему его так долго нет?

Папа вздохнул:

- Шакира...
- Что Шакира?
- Рэда позвала Шакира.
- Зачем?

Папа пожал плечами. Как это объяснить — зачем?

— Он ей понравился. Она почувствовала, что готова заводить свою семью... Своих щенков...

- И он ушёл к ней? В лес?
- Думаю, что да.

Алёнка посмотрела на нетронутую миску и закусила губу.

— Вы, кстати, заметили, — продолжал папа, — что в последние дни Вожак не приводил свою стаю кормиться? Ни сегодня, ни вчера.

В самом деле. О ежедневных гостях все как-то впопыхах забыли, а их уже два дня не было видно.

- И что? Что это значит?

— Не знаю... Не знаю, — папа совсем помрачнел. — Так что нам всё-таки пора ехать в город.

Но вместо того, чтобы ехать в город, все отправились в лес на поиски. Мама с Алёнкой на велосипедах по ближним дорожкам, папа с Васьком — на машине по дальним. Они ездили и ездили, останавливались

и звали: «Рэд! Рэд!» Но никто не отзывался. Из леса никто не выходил.

— А я чувствую, что он где-то рядом! — с силой говорила Алёнка. — И вообще, мог хотя бы показаться ненадолго, чтобы мы знали, что с ним всё в порядке. А потом бежал бы себе опять в лес...

Когда уже совсем стемнело, папа сказал:

— Ладно, всё! Поехали. Завтра вечером я приеду сюда опять. Если он вернётся, я его заберу.

Рэду на всякий случай оставили полную миску еды...

В темноте машина раскачивалась на ухабах, выхватывала фарами то куст, похожий на сгорбленную старушку, то дерево, напоминающее колодезный журавль... А дети всё вглядывались и вглядывались во все глаза в темноту...

* * *

На следующий день, после работы, папа и правда съездил на дачу. Он вернулся уже совсем поздно, но его ждали и никто не ложился спать.

— Ну что? — с тревогой спросила мама.

Папа разделся и повесил куртку в шкаф.

— Нет. Его нет. И не было. Никаких следов.

— А еда?

— Еда исчезла.

— Ну вот видишь!

— Но еду мог съесть кто угодно... Соседские кошки. Птицы, крысы или мыши.

Все поняли: папа прав. Когда уезжают люди, их дома и сады становятся достоянием лесных и полевых жителей.

— Но ты оставил ещё?

— Конечно. Полную миску. И ещё запас — под крыльцом, в потайном месте, за обшивкой.

Пространство за обшивкой крыльца — любимое место Рэда. Он всегда прятался там в сильную жару. Или когда донимали мухи. Или когда сильно обижался.

При воспоминании об этом всем стало ещё тоскливее...

А на следующий день мама пришла домой намного позже обычного. И оказалось, что она ушла из своего офиса сразу после обеда. И тоже ездила на дачу...

В ответ на вопросительные взгляды она лишь грустно покачала головой. Никого!

— Там стало так пустынно... — сказала она, когда дети легли спать и они с папой остались одни. — Только что, буквально

только что, было оживлённо,людно, весело... А теперь никого...

Папа кивнул головой. Так случается каждый год: с наступлением сентября, когда детей увозят в город, на дачах почти никого не остаётся. Один-два пенсионера и всё...

— Сколько его уже нет?

— Четыре дня.

Целых четыре дня! Так долго...

— Как ты думаешь, — спросила мама, — домашние собаки могут выжить в лесу? Прокормиться сами, без помощи человека?

— Не знаю. Наверное, могут. Ведь их дикие собраты — лисы, ондатры, еноты — как-то питаются... Охотятся на мелких грызунов. Находят птичьи яйца. Едят грибы.

— Но Рэд не любит грибы! — возразила мама и сама поняла: это не важно, любишь ты грибы или нет. Если больше есть нечего, станешь есть и грибы. — И яйца... Яйца весной бывают, а осенью их нет. А главное, Рэд никогда ни на кого не охотился. Никогда! Он просто не умеет...

— Научится, — невесело сказал папа. А что ещё оставалось сказать?

— А как ты думаешь, они всё ещё там? В нашем лесу?

— Вполне вероятно. По крайней мере, я на это очень надеюсь...

А на что ещё оставалось надеяться?

В выходные все вместе опять поехали на дачу и по всей округе, везде, где только можно, развесили объявления о пропавшей собаке по кличке Рэд. А потом опять ездили по округе. Звали...

И на следующей неделе папа с мамой по очереди ездили на дачу. И через неделю. Сначала каждый день, потом через день... Потом — когда выдавалась возможность...

В доме без Рэда стало пусто и тревожно. Никто не встречал тебя, когда ты возвращался домой, никто на радостях не хрустел пластиковой бутылкой в зубах. Никто не сидел во время ужина возле стола, провожая глазами каждый кусок, отправляемый в рот. Никто не предлагал поиграть в мяч или в резинового медведя. Да ещё две миски, которые так и стояли на кухне, всё время попадались на глаза: одна пустая, для еды, другая — с питьевой водой...

Погода между тем испортилась. Похолодало, зачастили дожди. И чем больше времени проходило с того дня, когда Рэд исчез, тем яснее становилось: если бы он мог и хотел вернуться, он бы давно это сделал. А раз не возвращается, значит, что-то не так...

— Ну всё! — в один прекрасный день сказала мама, опять вернувшись ни с чем. — Похоже, их в нашем лесу больше нет...

Мама приехала промокшая, озябшая, очень расстроенная.

— Я тоже так думаю, — отозвался папа. — Наверное, Рэд прибил к стае и Вожак их всех куда-то увёл...

— Куда?

— Думаю, куда-то ближе к городу. Зимой в большом городе бездомным легче выжить. Там можно пристроиться сторожить какую-нибудь стройку... или гаражи... Там, в конце концов, есть помойки.

— Наш Рэд роется в помойке! — воскликнула Алёнка. — Как вы можете даже думать об этом?! И зачем ему сторожить чьи-то гаражи, если у него есть мы? Мы, которые его любим и ждём?

Все отлично понимали Алёнку, все думали так же, как она. На разве этим делу поможешь?

— Уж лучше бы им быть в лесу, чем в городе... — заметила мама. — В городе столько опасностей... Столько озлобленных людей!

— В городе или в лесу, — сказал папа, — им всё равно придётся заново учиться жить. Жить без человека.

— Легко сказать: без человека, — покачала головой мама. — Когда тысячи и тысячи поколений твоих предков учились как раз обратному — жить рядом с человеком.

— Нет, я не понимаю! — воскликнула Алёнка. — Как вы можете так спокойно об этом говорить?! Он же где-то там — один! Он мокнет под дождём! Ему холодно! Кругом темно и страшно...

— Он там не один, — напомнил папа. — Он со своей семьёй.

— А мы сидим здесь, нам тепло и хорошо! — не слушала Алёнка. — У нас лампа и телевизор. А он, может быть, как раз сейчас бегаёт где-то, голодный, одинокий...

Об этом так или иначе думали все, но разве от этого легче?

— Нет, это, в конце концов, невозможно, — не выдержал папа. — Нельзя всё время об этом думать. Нужно остановиться. Мы сделали всё, что могли. И продолжаем делать. Но нельзя бесконечно изводить себя. Нужно взглянуть на эту историю по-другому, с другой стороны.

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что Рэд, если задуматься, сделал свой осознанный выбор!

— Я всё равно не понимаю, — с досадой

проговорила мама. — Что сделал? Какой выбор?

— Главный выбор в жизни. Кто он есть и ради чего живёт!

Папе потребовалось время, чтобы собраться с мыслями.

— Дело в том, что до сих пор он всё время жил только для нас: для Алёнки с Васьком, для тебя, для меня.

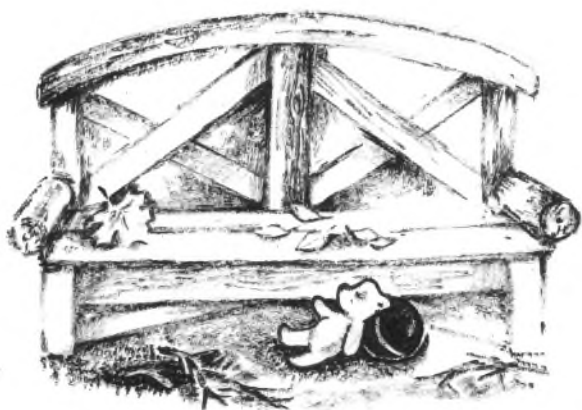
— Ну и что? — запальчиво возразила Алёнка. — Разве ему было с нами плохо? Разве мы его не любили?

— Конечно, любили. Но природа создавала его не только для этого. Как бы это сказать получше... С нами он был обречён навсегда оставаться одним из «братьев наших меньших», жить какой-то урезанной, вспомогательной жизнью — для нашей радости, для нашего удовольствия. А каждое живое существо на земле может и хочет прожить свою собственную жизнь. Узнать свою любовь. Увидеть своих детей...

Алёнка упрямо мотнула головой: пустые слова! У взрослых всегда есть в запасе красивые слова, которые всё только запутывают.

— У него был выбор, — продолжал папа. — Остаться с нами — в тепле и уюте. Или начать другую, суровую, но счастли-

вую жизнь. И он выбрал второе... Семью и счастье.

— Мы, мы были его семьёй! — выкрикнула Алёнка. — Зачем ему понадобилась другая?

Папа грустно улыбнулся:

— Это непросто. И даже сложно... Тебе пока трудно это понять. Но когда вырастешь, ты обязательно поймёшь...

— «Вырастешь, вырастешь», — передразнила Алёнка. — Взрослые всегда так говорят, когда им сказать больше нечего.

Папа не ответил. Чтобы не продолжать бесполезный спор. А чуть позже спросил маму:

— Но ты-то меня понимаешь?

— Понимаю, — тихо ответила мама.

— Вот и хорошо.

Некоторое время в комнате царил молчание. Потом мама спросила:

— Зачем Шакире и Рэду нужно было уходить с Вожаком? Ведь они могли бы вдвоём прийти к нам...

Вообще-то, это было логично. На месте Рэда так поступил бы каждый. Но кто его знает, что было у пса в голове...

— А кто-нибудь знает, сколько времени нужно собаке, чтобы выносить щенков? — спросила мама.

— Около двух месяцев, — ответил папа.

— Рэд пропал в конце августа... — начала подсчёт мама. — Значит, их с Шакирой щенки должны появиться в конце октября...

— Похоже, что так.

— Не самое удачное время для малышей... Уже холодно... И может выпасть снег...

Папа пожал плечами: вряд ли собаки умеют планировать на полгода вперёд. Как получилось, так получилось.

— Рэд мог бы привести её к нам, хотя бы на дачу, под крыльцо. Там ей со щенками было бы лучше.

— Лучше, — согласился папа.

Лучше-то лучше, но как им теперь об этом сказать?

— Что ж, будем надеяться, что они нашли какое-то другое подходящее место.

— Будем надеяться. Мир не без добрых людей.

Первый снег в том году выпал рано, в самом начале октября. Полежал полдня и растаял, но после этого как-то сразу наступила глубокая осень. Листья облетели, трава пожухла.

Дачный посёлок совсем опустел. Но мы всё ездили и ездили на дачу... Говорили себе, что пора остановиться, что надежды больше нет. Но каждые выходные собирались и ехали... И каждый раз с надеждой открывали ворота — а вдруг?

И ещё миски в городской квартире — они так стояли на своём месте у подоконника...

* * *

А как-то раз папа пришёл с работы очень возбуждённый.

— Только что звонил Патрикеев, мой институтский товарищ. В выходные они с сыном смотрели передачу по телевизору — детскую, про животных. Там показывали охотничье хозяйство в соседней области. И рассказывали про пса, который потерялся весной, всё лето где-то пропадал, а недавно вернулся домой и привёл с собой целое семейство, два выводка щенят. Пёс тёмно-ры-

жий, с рваным ухом. Патрикеев записал для нас сайт. Там, на сайте, есть адрес скайпа. Я с работы звонил, но никто не ответил.

Торопливо раздевшись, папа подошёл к компьютеру.

— Совпадение, конечно... Но чем чёрт не шутит... — Сверяясь с бумажкой, он начал набирать адрес.

Мы ещё никогда не видели, чтобы папа так волновался.

Раздались гудки, потом экран моргнул, и на нём появилось обветренное, раскрасневшееся лицо с бородой, а в динамиках раздался хриловатый голос:

— Охотхозяйство «Зорька». Слушаю. Говорите.

— Простите, мы передачу смотрели по телевизору. — Папа присел к столу. Мама, Алёнка и Васёк сгрудились у него за спиной. — Про пса, который пропал, а потом нашёлся...

Мужчина в компьютере рассмеялся:

— Вы уже не первый. Со вчерашнего вечера звонят, сразу после передачи начали. Что, понравилась история про нашего Бурана?

— Про Бурана? Ах ну да! История очень понравилась. Скажите, а какой он? Крупный, лобастый? Окрас тёмно-рыжий и как будто с чёрным налётом?

— Муругий.

— Что, простите?

— Собачники такой окрас называют муругим.

— Может быть. А ещё на нём ошейник с монограммой. Буквы «ОРБ», а дальше неразборчиво.

— Так и есть. Наше хозяйство называется «Охотничье-рыболовная база». А вы откуда знаете?

Папа побледнел и оглянулся на своих: всё сходится, это Вожак.

— Водитель, раззява, — рассказал мужчина, — взял его с собой в город за двести километров, да там и потерял. А он, умница, через полгода опять к нам вышел! Не один вышел, а с целым коллективом! Вот что значит охотник!

— Вот, вот с коллективом, — в нетерпении повторил папа. — А с кем он пришёл?

— Целая многодетная семья, — рассмеялся мужчина. — Даже две. Две самки. И с ними щенки от двух помётов — трое постарше и двое совсем маленьких.

— Две самки? Одна постарше, крапчатая? А вторая совсем молодая, чёрная, очень красивая?

— Ну да. А вы откуда знаете?

Папа не стал объяснять.

— А скажите, молодого рыжего пса с ними не было? Средних размеров, подтянутый, лапы белые, а морда чёрная. Рэд зовут...

— Как кого зовут, у них не спросишь. Но рыжего пса среди них не было...

— Вы это точно помните?

— Точно. Они как раз на меня все вышли. Рыжего не было...

Папа замолчал и сник. Даже плечи у него как будто опустились.

— А этот ваш Буран... — вступила мама. — Он, вы говорите, охотник?

— Ещё какой! Талантище! И на медведя, и на кабана! И с собой привёл очень способный молодняк. Про маленьких, конечно, рано ещё говорить, а те, что постарше, — прирождённые охотники. Всё на лету схватывают!

— Так вы не станете выгонять их обратно в лес? — спросила Алёнка.

— Нет, конечно! Зачем? У нас все егеря — собачники, мастера своего дела. Любого барбоса в классного загонщика выучат.

— Так уж и любого... — усомнилась мама.

— Может, и не любого, — добродушно согласился мужчина. — Кого не выучат, тот птичник пойдёт сторожить. Хозяйство у нас большое, работа всем найдётся.

В разговор опять вступил папа:

— А я всё-таки про того рыжего... Мы его давно ищем. Я вам телефон оставляю на всякий случай. Мало ли что? Вдруг он объявится... Его Рэдом зовут...

— Оставляйте. Если объявится — позвоню. Мне что? Мне не сложно.

Разговор закончился, и папа растерянно оглянулся. Лицо у него было несчастное.

— Они вышли... Но Рэда с ними нет, — пояснил он, хотя все и сами это слышали.

Рэд, Рэд... Что могло с ним случиться?

По щекам Алёнки текли слёзы...

— Что ж, — сказал папа, — остаётся только радоваться, что остальные собаки благополучно вышли к своим. В том числе его щенки... И с ними всё будет хорошо...

Двести километров — огромный путь для собак. Нужно идти и идти, час за часом, день за днём. Избегая открытых людных мест. Обходя города. Выжидая момент, когда можно пересечь оживлённую автотрассу. С трудом добывая пищу. Даже если точно знаешь, куда идти, потребуется не одна неделя. А если не знаешь и ориентируешься только по чутью, по интуиции? Сколько раз за это время нужно ночевать где придётся, на холодной земле, где-то в лесу, под кустом или в овраге? Это и для

лесного охотника нешуточное испытание. А Рэд совсем не охотник, он всего лишь привыкший к комфорту домашний любимец.

Рэд нетерпеливый и пылкий. Он не боится человека, видит в нём друга. Мало ли что могло случиться за это время! Может, он доверился каким-то злым людям. Или ввязался в совсем ненужную драку. А может, просто повздорил с Вожакom и вынужден был уйти... Ведь он такой независимый!

* * *

После первого снега, выпавшего в начале октября и в тот же день растаявшего, зима отступила ещё на два с лишним месяца. Опять установилась пасмурная,

дождливая, унылая осенняя погода. Похо-
жие друг на друга дни, едва набрав к по-
лудню тусклого серого света, сразу после
обеда переходили в сумерки, а ещё через
час — в ночь. Последние, самые стойкие
пенсионеры, заколотив крест-накрест окна
своих дач, перебрались в город. Сельские
дороги совсем развезло, легковые машины
даже не пытались съезжать с асфальта.
Дачный посёлок оказался отрезанным
от города и от всего остального цивилизо-
ванного мира.

А к Новому году, к школьным кани-
кулам, как на заказ ударил лёгкий моро-
зец и выпал свежий снежок. Грязь на до-
рогах подмёрзла, и мы решили Новый год
встречать на даче. Нарядить ёлку, которая
растёт у крыльца. Устроить фейерверк. По-
ходить на лыжах. Слепить снеговика и его
жену. Построить снежную крепость. Пора-
доваться началу зимы...

Но как только машина свернула с шос-
се на последнюю просёлочную дорожку, все
примолкли и загрустили. Вспомнили, как
Рэд любил ездить на дачу... Как принимал
участие в сборах, совал морду во все сумки
и всех торопил. Как в машине ни на минуту
не позволял себе расслабиться и зорко сле-
дил за дорогой. Как узнавал этот послед-

ний просёлок и начинал в нетерпении лаять и суетиться...

Ворота открывали и вовсе в мрачном расположении духа.

— Смотрите, смотрите! Что это? — вдруг закричала Алёнка.

Вся земля, весь свежий снег вокруг дома, у ворот и калитки, был покрыт переплетающимися цепочками собачьих следов... Цепочки были неровными и запутанными, они вились взад-вперёд, уходили вглубь сада, куда-то к забору и калитке, ведущей в лес.

Мы с замиранием сердца догадывались и в то же время боялись поверить в то, что это могло означать...

В ответ на голоса и шум из-под крыльца донеслась возня, неприколотенная доска в обшивке подалась в сторону, и из-под неё с трудом выбрался рыжеватый пёс с белыми лапами и чёрной мордой.

Мы не сразу поняли, что это наш Рэд.

Да-да! Это был наш Рэд — и в то же время не совсем наш... Он сильно похудел, и на боках выступили рёбра. Прежде блестящая рыжая шерсть потускнела и поблекла. Правое ухо было надорвано...

Прижав уши и замахав хвостом, Рэд направился к нам, и мы заметили, что он прихрамывает на переднюю лапу.

У него даже не было сил как следует порадоваться. Он добрёл до нас, ткнулся каждому в колени и, потратив все силы, прилёг на землю у наших ног.

Но это было ещё не всё! Это, как оказалось, было только начало!

Из-под крыльца, из тесного лаза между досками, вслед за Рэдом на белый свет выбрался ещё один гражданин: маленький чёрный лопоухий щенок. Он бойко вылез на снег, но, увидев нас, замер: похоже, никогда в жизни ему не доводилось встречать так много людей сразу.

Мы во все глаза смотрели на этого лесного жителя — такого маленького и беззащитного и в то же время независимого и самостоятельного. Рэд истощал — только кожа и кости, а щенок — ничего, был вполне упитанным... Уши у него ещё не встали, как у взрослых собак, шерсть была по-щенячьи мягкой, но уже густой и тёплой — как иначе, если живёшь на открытом воздухе и ночуешь на голой земле. Мы сразу увидели: в нём было что-то непоседливое и весёлое, в этом щенке. Ему как будто дела не было до зимы, мороза, бесприютности, нехватки еды...

Мы смотрели на него, а он разглядывал нас — с интересом и как будто даже лукаво. Он не лез на рожон, но и не тушевался. Он

просто решал для себя вопрос, который является главным для любого существа, живущего на свой страх и риск: можно нам доверять или нет.

Ему потребовалось всего несколько мгновений, чтобы понять: мы — друзья. Щенок сделал пару-тройку весёлых шагов вперёд, припал на передние лапы, зарычал, а потом завилял хвостом. Он приглашал нас поиграть.

— Смотрите-ка... Наш кадр! — дрогнувшим голосом сказала мама, и мы заметили, что улыбается она сквозь слёзы. — Вылитый Рэд!

А мы это уже и сами поняли!

Щенок в самом деле один в один походил на маленького Рэда — такого, каким Алёнка когда-то нашла его. Только Рэд с самого детства был рыжий с белым под-

палом, а этот был чёрненький, и только лапы белые, будто он постоял по колено в корытце с молоком.

— Ой! Да ведь он — Блэк! — догадалась Алёнка.

Она присела на корточки и протянула щенку руку:

— Блэк, Блэк! Иди сюда!

И Блэк отважно затрусил к ней — вразвалочку, выбрасывая передние лапы не вперёд, а чуть в стороны, затрусил без страха и без сомнения.

А Рэд лежал между нами и слабо помахивал хвостом. «Ну наконец-то! — говорил его взгляд. — Долго же я к вам шёл! И всё же дошёл. И теперь мы снова вместе. Так что больше не о чем жалеть и не о чем грустить. Потому что с этого дня всё, абсолютно всё будет хорошо!»

И в самом деле с того счастливого дня всё пошло очень, очень хорошо. С Рэдом и Блэком, с Алёнкой и Васьком.

Но это уже другая история.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Как у нас в доме появился Рэд	5
Бывалый вояка	22
Собачья школа	26
Воспитанные собаки	50
О вреде вредности	54
Что Рэд любит, а чего — нет	72
О воровстве	80
Самый маленький	103
О наших обидах	109
Чего никогда не делают собаки	130
Судьба Рэда	136

По вопросам приобретения книг издательства «Аквилегия-М»
обращайтесь по телефонам:

(495) 617-39-60, 589-80-15

akvil@mail.ru

Мы рады вам!

Приглашаем на сайт издательства

www.akvil.net

Павел Верещагин

РЫЖИЙ ПО ИМЕНИ РЭД

Литературно-художественное издание

Маркировка согласно федеральному закону
№ 436-ФЗ: 6+

Редактор М.Семёнова

Художник Е.Эргардт

Дизайнер-верстальщик Т.Кудрявцева

Верстальщик М.Носов

Корректор М.Семёнова

Подписано в печать 25.05.16

Гарнитура «LiteraturnayaC». Формат 84х108/32

Бумага офсетная. Тираж 3000 экз. Зак. №

Общероссийский классификатор продукции

ОК 005 93. том 2, 953000 книги, брошюры

Изготовлено в России.

ООО Издательство «Аквилегия-М»

109377, Москва, ул. Академика Скрябина, 5, корп 2

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97